

Забавы и удовольствия в городке

Очерки

Посвящается М. Н. Каткову

В числе уездных городков есть очень мелкие городки, в которых общество представляет в себе обыкновенно два круга: высший, которому принадлежат помещики и чиновники города, и низший, к которому относится промышленный класс жителей; среднего кружка почти не бывает: переходы из одного круга в другой или вовсе не совершаются, или совершаются быстро и незаметно*. Общественная жизнь такого городка, разумея здесь в особенности общественные удовольствия и увеселения, преимущественно разгорается и кипит зимою, во время крещенских и сретенских морозов, а хладеет и остывает вместе с уменьшением зимнего холода, с появлением весенней оттепели и наступлением жарких летних дней. Мы и начнём наш рассказ об этой общественной жизни городка с того самого времени, когда она бывает в полном разгаре своем, для того, чтобы потом нам было тем интереснее и тем легче Следить, как это периодически волнующееся море постепенно входит в обычные берега свои и наконец расстилается гладкой, тихой поверхностью. Итак, мы начнем со Святков. Вместе с приближением их в высшем круге общества родится мысль о том, как бы устроить собрание; но эта мысль до Святков таится в зародыше и получает своё развитие и осуществление только вместе с их наступлением. В самый первый день праздников, когда все существующие в городе лошади впрягаются в экипажи, чтобы развозить своих господ с визитами и когда поздравления разносятся из одного дома в другой, и когда самые сложные и многочисленные закуски красуются на столах гостиных, тогда-то именно идут самые живые переговоры о задуманных удовольствиях. При этом возникает много весьма важных вопросов: во-первых, где устроить собрание; во-вторых, где достать нужное количество музыкантов; в-третьих, откуда взять необходимое число кавалеров, так как в девицах всегда оказывается избыток против них? И проч. Но все эти вопросы наконец решаются после продолжительных совещаний. В городке есть училище, воспитанники которого распущены по случаю вакантных праздничных дней; следовательно, одна из классных ком-

---

*Так, например, богатый купец легко может вступить в высший круг, если он примет участие в его общественной жизни, иначе он будет принадлежать к низшему. Последний кружок живёт весьма разрозненно и общественной жизни, можно сказать, почти не имеет; она существует только в высшем слое городского общества.

нат, большая, может быть весьма удобной залой для танцев, а остальные — меньшие — для помещения необходимых принадлежностей собрания, как-то: уборной, карточной и т.п. Следы ученических занятий, оставленные на полу этих комнат в виде чернильных пятен, могут быть изглажены; но если и нет, то они не представляют большого затруднения для легко скользящих ног танцоров. Мебель, весьма удобная для школьников и не совсем для посетителей собрания, легко может быть заменена временным набором из лишних стульев и кресел, находящихся в домах особенных поклонников общественных удовольствий. Там, где имеется в виду единственно одна общая весёлость, там роскошь и великолепие не составляют необходимости, и изломанный или надломившийся под кем-нибудь стул не уничтожит этой веселости, а разве даст еще ей новую пищу. Итак, первый вопрос решён. За ним легко устраняется и второй. Две скрипки составят весьма удовлетворительный оркестр, в котором даже могут быть *primo* и *secundo*; а если прибавить к ним кларнет или флейту да ещё треугольник, то согласитесь, что и сама Терпсихора не отказалась бы танцевать с таким аккомпаниманом.. Достать эти две скрипки, а с ними и двух скрипачей вовсе не трудно: стоит только послать за одним к такому-то помещику, а за других к другому. Если же сбор на собрание будет довольно значителен, то можно в таком случае выписать из губернского города целый оркестр, состоящий из четырёх инструментов, а именно: двух скрипок, одной флейты и одного контрабаса. Содержание музыкантов во всё продолжение общественного веселья можно возложить на одного из членов собрания, с тем чтобы избавить его от денежного взноса. Итак, второй вопрос тоже решён. Но третий представляет более трудности. Открывается, что кавалеров, танцующих или желающих танцевать, только трое, а дам более пятнадцати. Конечно эти трое такие усердные поклонники Терпсихоры, что во время живых танцев, как-то: вальса и полек — не позволят сидеть ни одной из танцующих дам; но, увы! Ведь есть французская кадрили, которую необходимо танцевать и для которой нужно такое же количество кавалеров, как и дам. Впрочем, г. N., который знает несколько фигур кадрили и, несмотря на это, более любит играть в карты, конечно, пожертвует своим удовольствием для общественного; господина NN можно также уговорить танцевать, хотя он застенчив, упрям и любит только сидеть в карточной и смотреть, как играют другие, не играя сам. Следовательно, число танцоров возросло до пяти, и если с присоединением малолетних молодых людей, носящих имена с ласкательным окончанием, впрочем, танцующих, и нельзя будет составить полного комплекта, тогда, нечего делать, и дамы мо-

гут танцевать за кавалеров. Все остальные мелочные недоумения, после этих главных, устраняются скоро. Итак, можно приступить к подписке. Количество подписной суммы зависит от произвола; но всякий отец семейства подписывается тем охотнее, чем многочисленны его семейство, потому что собрание здесь обыкновенно бывает с даровым десертом, следовательно, малолетние члены семейства могут быть также вывозимы в собрание и, приобретая навык держать себя в обществе, употребят свое время с пользой и удовольствием. Когда, таким образом, составился сбор, достаточный для того, чтобы мысль о собрании привести в осуществление, тогда на одного из тех, в уме которых впервые родилась эта мысль, возлагается покупка необходимых материалов для собрания, как-то: свеч, конфет, миндаля для оршаду и проч. вообще вся хозяйственная часть. В то же время другой принимает на себя внешнюю организацию. И вот наконец все это поспешно — в два-три дня — совершенно устраивается. Вы сами легко можете представить себе те хлопоты, которые происходят в это время во всех частных домах, где готовятся к собранию девицы, и тот трепет, который овладевает их юными и наивными сердцами, когда наконец в такой-то день, они готовятся ехать в собрание: только прошло тяжелых месяцев, в продолжение которых они или вовсе не танцевали, или танцевали дома, в своем семействе, при скудном освещении, в тесной зале, под звуки расстроенного фортепьяно; а теперь!... огромная зала, великолепное освещение стеариновыми свечами, при котором можно найти на полу булавку, не пошарив рукою, гром трех или четырех инструментов, танцы с кавалерами, разноголосый веселый говор!... О, вы, привыкшие к столичной жизни, к ее всегдашнему шуму, к её блеску и роскоши, вы не поймете чувств девицы, живущей в городке и готовящейся ехать в собрание... Но не думайте, чтобы и здесь предавались веселью с полным увлечением: о, нет! строгое уважение приличия ибон-тона стоит на страже и не даёт развернуться полному веселью. Вот уже десять часов вечера: отчего бы, кажется, в городке общему веселью не быть в это время в полном разгаре? но зала собрания ещё пуста: в ней суетятся лишь главные распорядители, переводят оркестр из одного угла залы в другой, выбирая более удобное для него помещение, переставляют стулья то в таком, то в ином порядке, приказывают поправлять криво поставленные в кенкетах свечи, зажигают курительные свечки и ставят их по окнам, не думая, что впоследствии от них могут пострадать фраки или платья неосторожных, наблюдают за сортировкой на подносах десерта и проч. У них много хлопот. Между тем в это время юные талии девиц затянуты в корсеты, на руки надеты, если успели

запастись заблаговременно в губернском городе, французские, в противном случае — простые русские, перчатки, приобретённые в единственной галантерейной лавке городка. Самые разнообразные по материи, хотя и одинаковые по фасону платья: шелковые, марселиновые, гласе, кисейные, тарлатановые, тюль-люзьен, как его здесь называют, и проч., и проч., шумят в разных частях города, для того чтобы через несколько времени собраться в одну кучу для того, чтобы толстое шелковое платье небрежно задело русское реденькое гласе, а тюлевое посторонилось от кисеи. В ожидании наступления торжественной минуты дочери рисуются перед заботливыми матерями, и нежная родительская любовь дополняет в costume дочерей то, что упущено было из виду всегда ветренными горничными. Казалось бы, все уже готово и пора ехать; уже догорает сальная свеча, поставленная немного набок в свой медный подсвечник пред зеркалом уборной девицы, уже давно налюбовалась она своей тонкой, стянутой до неимоверности талией, уже твердо заучила она ту улыбку и те манеры, с которыми войдёт в залу собрания и которые исчезнут забудутся с первым туром вальса, с первой фигурой французской кадрили, как капля росы, алмазом блестящая на игле сосны, испаряется от первого прикосновения к ней солнечных лучей; давно уже проверила она и своё искусство танцевать многообразные польки и вальсы в одну сторону и в другую, в два и в три темпа или чтобы показать знание во французском языке, а *deux et a trois temps*, но ни она сама, а тем более её *taman* не решается ехать в собрание, чтобы не приехать туда первыми и не показать чрез то незнание света и провинциализм... И вот с разных концов города стремятся к одному центру — к собранию, разнохарактерные физиономии лакеев, посланных своими господами — узнать, не приехал ли кто в собрание. Посланные сходятся у своей цели в одно и то же время, но не находят еще ни одного экипажа.

— Ты что? — спрашивает один из них другого.

— Да вот господа прислали узнать, не приехал ли кто! А ты что? Ну, известно и меня за этим же прислали! Что, твои не приехали?

— Нет, не приехали! А твои что — приехали?

— Нет, и мои не приехали! — Ну, так, знать, никто еще не прислал! — говорят они в один голос. И возвращаются с этой вестью к господам своим.

— Ах, как это скучно! — говорят дочери. — Оделись и жди тут!

— Удивительное общество! — возражают матери. — Одиннадцать часов и никого нет. Ни на что не похоже! А ведь все эта церемония: никто не хочет приехать прежде других. Смешное общество!

Наконец посланные через полчаса после этого поспешно возвращаются домой с вестью, что приехали такие-то и такие-то.

— Ну, конечно! Так и надобно было ожидать, что эти первые прилетят. Ну, да, конечно, им простительно!

«Кто не видал ничего лучше, тому понравится и наше собрание!» — говорят дамы. И вслед за тем спешат садиться в экипажи. И с разных сторон города съезжаются в собрание почти одновременно и чрез час там уже кипит жизнь в полном разгаре. Вот раздаётся гром оркестра, и веселые пары летят мимо всего в невероятно быстром вальсе, так что музыка принуждена часто догонять кадансом танцующих. Кавалеры беспрестанно меняют дам, машут руками музыкантам, чтобы они не останавливались, а некоторые, закружившись до тошноты, убегают на минуту в буфет, чтобы выпить стакан воды и потом снова кружиться ещё быстрее прежнего. Но вот умолк оркестр. Девицы, усталые от танцев, отдыхают, небрежно сидя на стульях, и маханием платка, производящим отрадную свежесть, стараются прогнать излишнюю красноту с дышащих здоровьем своих личиков. Довольные оказанным им вниманием, они лукаво и с беспощадной иронией смотрят на тех из своих подруг, которые танцевали весьма мало, и теперь, во время антракта, расхаживают по зале, ещё более лукаво и ещё с большею иронией разговаривая о том, что Мг N уж чересчур много участия показывал M-lle NN, а Мг NN так закружился, что чуть-чуть не уронил свою даму, которая к тому ещё и танцует-то весьма дурно. Кавалеры между тем тотчас, как только замолк оркестр и уселась последняя пара, мгновенно скрываются из залы, как будто танцевали *ex officio* и вне танцев не считают своею обязанностью занимать дам. Да и в самом деле, жизнь маленького городка так бедна впечатлениями, все лица так знакомы, обо всём переговорено так много, что трудно найти новый интересный предмет для разговора; сверх того нужно поберечь запас мыслей и слов для кадрили и мазурки, где уж непременно нужно занимать свою даму. Впрочем, истинные и исключительные любители женского общества оставляют его только лишь для того, чтобы выкурить трубку или папиросу.

— Как вам нравится сегодняшнее собрание? — спрашивает один из таких любителей вдруг нескольких девиц, отступая перед ними, идущими шеренгами рука под руку.

Вместо ответа на этот вопрос у одной девицы обрисовывается на устах презрительная улыбка, другая как-то лукаво смотрит на третью, в глазах которой сияет так много удовольствия; четвёртая сухо отвечает:

«Как всегда! Разве в наших собраниях может быть что-нибудь особенное?».

Но между этим господином и той девицей, в глазах которой сияло так много удовольствия, когда они остаются наедине, идёт беседа совершенно иного рода.

— Как вам нравится сегодняшнее собрание? — обращается она к ней с тем же вопросом.

— Очень! — отвечает она, играя поясом своего платья.

— Отчего очень? — спрашивает он выразительно.

— Так-с, ни отчего! — отвечает она так же выразительно.

— О, я отгадываю!

— Нет, не отгадаете!

— Ну, так, я буду гадать: нынче Святки! Но лучше, скажите пожалуйста, отчего?

— Нет, не скажу!

— Ну, так я узнаю: я колдун!

— Нет, не узнаете!

И, утомленная такой беседой, краснея от волнения и стыдливости, она не в силах более продолжать и спешит соединиться с другими подругами.

— О, как он за тобой ухаживает! — говорят ей они.

— Совсем нет! Вот какие пустяки?

— Говори, говори! Будто мы не понимаем!

— О чем это, брат, ты так долго разговаривал с ней? — спрашивает молодого человека другой, делясь с ним своей трубкой.

— Так, братец, ни о чём!

— Э, злодей, знаем мы тебя! Ты давно за ней ухаживаешь.

— Полно! Что ты, чудак! Я у них и бываю-то только по праздникам!

— Что же, разве! Для этого недостаточно бывать только по праздникам!

Между кавалерами, скрывшимися тотчас после танцев, идет беседа другого рода.

— Фу, как устал!

— Да, брат, устанешь: нас ведь немного, а их-то вчетверо больше! — Что за удовольствие эти танцы! А не танцевать нельзя: просят! — Я люблю еще вальс; по крайней мере хоть разговаривать не нужно; а вот в кадрили, так там еще занимай даму, — а чем ее занимать? Ничего в голову не приходит. Однако пора ангажировать на французскую кадрили: дали повестку!

Во время антрактов являются два официанта с подносами, разнося то конфеты, то лимонад, то варенье и яблоки, то оржад. Многие из девиц, особенно побывавшие в губернском городе; почти не дотрагиваются до лакомств, довольствуясь какой-нибудь небрежно захваченной конфетой; другие имеют более снисходительности; во главными ратаями в этом деле бывают дети и их маменьки, со спокойными, гордыми, улыбающимися или недовольными физиономиями сидящие вдоль стен, терпеливо смотрящие на танцы, не-терпеливо ожидающие, чтобы к ним первая подошла такая-то, и лениво переменяющие свои стулья, на которых с первого раза так охотно уселись. Мамаши знают, что их деликатные дочки не бросятся неделикатно на даровое угощение, которого не бывает ни в губернских, ни в столичных собраниях; но они знают также и то, что эти дочки не откажутся скушать конфету или яблоко дома, когда будут вспоминать только что оставленное собрание.

Но вот начинается кадрили.

— *Permettez moi vous engager?* — говорит один, знающий все светские фразы французского языка.

— Позвольте вас ангажировать на кадрили? — спрашивает другой, как бы служа переводчиком первому.

— Угодно вам со мной танцевать? — самоуверенно предлагает третий и т.д.

— *Mais, ma chere*, кавалеров недостает: будемте танцевать со мной; я за кавалера.

— Чудесное собрание! — иронически замечает не ангажированная.

— А кто же наш *vis a vis*?

— Он будет переходить.

И кадрили устраивается в шесть — семь пар. Кадрили танцуются без па, почти ходя, как и везде; разве только какой-нибудь устарелый любитель танцев вздумает про старину и напомнит, как танцевывали прежде. Но и в настоящее время и у современных танцоров, по крайней мере уездных, пятая фигура и solo ее составляют часто предмет особой заботливости и тщательной, разнообразной, прихотливой отделки: вот один пройдет в этом solo мерным шагом под музыку, ступая сначала на пятку, потом на носок, другой быстро пролетит как на крыльях и даже сделает антраша, третий протанцует прехитрый глиссад и т.д., но, одним словом: всяк по-своему и как можно изящнее.

Но вот кадрили кончилась и сменилась польками. Здесь танцуют всевозможные польки: и трепещущую, т.е. *tremblante* и польку-редова и польку-мазурку и даже польку-figure. Все они исполняются весьма

прихотливо и оригинально. Так, например, в польке-tremblante танцоры стараются как можно более перекидываться с боку на бок, так что когда приподнимают левую ногу, то в это время всем корпусом склоняются налево, и наоборот, сменяя левую ногу правой. быстро перегибаются на противоположную сторону. Вообще польки танцуются чрезвычайно быстро, бойко, весело и смело. При самом появлении полек в танцевальных залах маленького городка все единогласно сохраняли мнение, что полька — танец польский, и сначала танцевали его хотя так же довольно скоро и живо, но умеренно. Потом книги, слухи изменили прежнее предположение о польском происхождении польки и заменили его убеждением, что французы выдумали этот танец. Тогда танцоры городка, размышляя, что французы народ веселый, живой, бойкий и что на их танцах должен отразиться характер самого народа, стали танцевать польки гораздо быстрее прежнего. Кто не знает, как богата танцевальная музыка множеством разнообразных полек? Кто не знает, что весь алфавит женских имен потрачен на отличие одной польки от другой? Но провинциальный городок, или, лучше сказать, его оркестр знает только одну польку с фамилией, а именно: польку-Анну и ещё несколько безымянных. И как бы удивился Мюзар, если бы каким-нибудь волшебством в былое, славное для него время, он был бы перенесен с берегов Сены в скромный городок, в самый пыл его общественного удовольствия и увидел бы он эти две или три пары, подобно гибким стеблям тростника, при сильных порывах ветра, колеблющиеся среди залы, и услышал бы он этот оркестр, едва заглушающий шарканье ног танцующих и наигрывающий свою польку-Анну!... Любопытно бы было знать, напомнила ли бы ему эта полька ту, которую танцевали под звуки его оглушающего, бурного оркестра, и эта музыка — ту, которая заглушала даже крики парижского карнавала? Но поверят ли мне, если я буду даже свидетельствовать совестью автора, желающего не смешить и утрировать, но говорить только сущую правду и описывать действительность, — поверят ли мне, что эта французская полька-tremblante несколько не требует нарочно для неё написанной музыки, но что она может легко танцеваться под некоторые русские песни, и что автор этой статьи неоднократно был свидетелем такого смешения французского с нижегородским? Так, например, полька-tremblante весьма удобно и грациозно танцуется под следующие песни:

Как под липой, под липой,
Под кудрявой, пеленой и проч.
Или:

Уж вы, сени мои, сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,,
Решетчатые!...

При этом, конечно, такт танца несколько изменяется, но эта жертва ничего не значит пред общим удовольствием. Случалось даже, что французскую кадрили танцевали здесь под известную русскую народную песенку:

Чижик, чижик, где ты был?

На канавке водку пил... и т. д.

И опять повторяю: это сушая правда. Конечно, всё это случилось не на тех собраниях, о которых я рассказывал, но на частных вечерах, когда хозяин дома, желая доставить, своим гостям возможность танцевать, заставляет свою дочь целый вечер играть на фортепьяно или за неимением их посылает за единственным в городе скрипачом (он же и дворовый человек, и повар, и парикмахер), который, купив где-то скрипку, по случаю, за три двугривенных самоучкой, с голоса, но препорядочно наигрывает разные русские песенки, особенно в праздничный день, когда господа уезжают в гости и людская наполняется веселыми и свободными горничными, которые неотступно просят его «погудеть что-нибудь ради потехи». Но мы отвлеклись от своего предмета. В собрании раздаются не такие звуки и оркестр его не унижится до русской песни. Польки сменяются кадрилими, кадрили десертном, десерт галопадом, который танцуется так же разнообразно, так же прихотливо. Развеселившаяся молодёжь, руководимая каким-нибудь молодящимся стариком, решается наконец вспомнить старину и танцует экосез или гросфатер, но танцует их не иначе, как ради шутки и с пренебрежением, но тем не менее весело и с удовольствием, потому что затейливые фигуры этих танцев, особенно последнего, очень оригинальны: то вдруг кавалер превратится в кошку, а его дама в малую крошечную мышку; то вдруг неловким кавалерам предстоит прыгать через н. платок, который иногда умышленно приподнимается в то самое время, когда должен совершиться скачок: неловкий танцор задевает ногою за барьер и падает на пол, к общему смеху и удовольствию; то наконец все пары совьются в один длинный плетень таким образом, что прелестная ручка дамы лежит на широком плече мужчины, а не-уклюжая рука кавалера на алебастровом плечике его дамы. Этот неразрывный плетень часто двигается под музыку из одной комнаты в другую и, достаточно покружившись, начинает расплетаться. Замечательно, что эту последнюю фигуру с

особенным удовольствием танцуют кавалеры и любят, чтобы руки их не были разделены с руками их дам посредством платков; дамы же, напротив, находят ее не совсем приличною и если танцуют, то стараются непременно пустить в дело платок. Впрочем, часто случается по этому поводу такого рода разговор между кавалером и дамою:

— Не угодно ли вам взять свой платок? — говорит последняя, лукаво и миловидно смотря на своего кавалера.

— Зачем же платок? можно без платка.

— Так-с! возьмите, пожалуйста! — говорит она, немного краснея и более настойчиво.

— Да у меня нет его: я позабыл! — отвечает кавалер, ощупывая карманы своего фрака, и бессовестно лжет, потому что присутствие матка заметил бы даже близорукий.

— Ну, так вот возьмите мой платок.

— Ах, как хорошо пахнет от вашего платка! — возражает молодой человек, закрывая платком свой нос. — Вы, верно, не здесь покупаете духи?

— Нет, не здесь. Но пора начинать: давайте же платок! Молодой человек подает, однако, не платок, а свою руку, платок же кладет в свой карман.

— Что вы делаете? — говорит, конфузясь, дама и вслед за тем, если она дама только в танцах, а в жизни еще девица, то робко ищет глазами свою маменьку; если же она дама в собственном смысле слова, то своего наблюдательного и, может быть, ревнивого мужа. Но как дрожит её ручка на плече кавалера и как крепко сжимает ее его рука, и как неловко он держит её ручку: очень близко к своей щеке!

С другой стороны, напротив, вы замечаете, как некоторые пары безмолвно и предупредительно разделяют свои руки платками, и вас удивляет, что лица их весьма равнодушны, а руки весьма тверды и не трепещут.

Не угодно ли вам послушать разговор, который идет в первой паре, по окончании гротеска, когда она как-то, должно быть ненарочно, очутилась вдали от прочей толпы, в уголку, у окна.

— Что же вы не подали мне платка? Как вам не стыдно!

— Я, право, заторопился и позабыл совсем: думал, что это мой платок и положил его в карман.

— Как же!... Но подайте мне его.

— Зачем же он вам?

— Как зачем? Вот прекрасно! Разумеется, зачем!

— От него так хорошо пахнет! ...

— Что ж из этого? Подайте же, пожалуйста, платок! Ведь смотрят...

И молодой человек поспешно и небрежно подает ей платок, как будто он делает обыкновенную услугу. Но, увы! К чему хитрости: все видели, что было, и даже видели много такого, чего не было и не могло быть. Вы замечаете, что на устах некоторых девиц мелькала какая-то особенная полунасмешливая, полупрезрительная улыбка, когда к ним подошла та дама, оставив своего кавалера, что как-то особенно выразительно посмотрел на молодого человека и так же выразительно пожал ему руку его приятель, что в двух или трех углах довольно тихо и насмешливо говорили пожилые дамы, указывая только одними глазами на разлучившуюся пару; вы замечаете даже, что улыбающееся и самодовольное лицо заботливой маменьки сделалось как будто сердито и ещё более озабочено и что наблюдательный, а может быть и ревнивый, муж вдруг, без всякой видимой причины, поморщился, сдвинул брови, а потом как то гордо и презрительно говорил в буфете со знакомым уже нам молодым человеком. Но вот оркестр снова заиграл польку-Анну, и в зале заметно какое-то особенное движение: многие встанут со своих мест; даже самые исключительные любители карточной игры и буфета и враги танцев появляются в дверях залы, даже некоторые игроки с картами в руках оставляют свои места и выглядывают через плечи образовавшейся у дверей залы толпы зрителей. Что, же такое должно случиться? Очевидно, общее внимание возбуждено, Среди залы является юноша, рука об руку с сестрой своей, пансионеркой, так же, как и он, отпущенной на вакацию из пансиона. Молодой человек оказывает большие способности в хореографическом искусстве, и знакомые его маменьки упростили её приказать детям протанцевать фигурную польку. Они начали. Держась рук«а за руку, они сделали па и взглянули один на другого, сделали другое па и отвернулись, потом снова взглянули и снова отвернулись; потом вдруг пансионерка сложила руки за спиною, а юноша на груди: юноша делает па вперед, пансионерка назад — эта фигура технически называется наступать и отступать; вслед за этим та же фигура повторяется, только наизворот, то есть пансионерка наступает со сложенными на груди, а юноша отступает со спрятанными назади руками. Далее они вдруг схватываются обеими руками, грациозно изгибая их в виде цифры 8, то посмотрят друг на друга, то снова отворотятся. Эту фигуру назвали здесь: смотреться в окошечко Общй говор похвалы и удовольствия раздался со всех сторон по окончании танца. Маменька слушала эти похвалы, упорно доказывая их неосновательность, хотя, может быть, внутренне вполне

соглашалась с ними; пансионер принимал похвалы самоуверенно, стараясь, по совету танцмейстера, как можно шире расставить ноги своих сапог, и расшаркиваясь, по тому же совету с некоторым приподнятием левой ноги; пансионерка на все благодарности отвечала, приседая и конфузясь: «Pas de quoi!» — а на излишние похвалы скромным: «Совсем нет-с!».

Здесь считаю не лишним рассказать о том впечатлении, которое произвели на уездный городок впервые появившиеся в нём польки и как постепенно они сделались одним из любимейших в нём танцев. Один столичный франт, проезжая чрез городок, остановился у родственника своего, ближайшего к городу помещика. У помещика были дочери, которые приходились столичному франту том родстве, которое определяется словами: кузен и кузина. Кузен рассказывал кузинам о своих столичных удовольствиях: о театре, театральных маскарадах, немецком собрании, о загородных веселиях и проч. в этом роде. Кузины слушали его с полуоткрытыми устами и совершенно открытыми глазами, часто улыбались и ещё чаще переглядывались между собою, оправляя в то же время свои платья. Наконец столичный франт упомянул о польках.

— Как, разве вы танцуете их, кузен? — спросили в один голос кузины.

— Разумеется! А вы? Неужели не танцуете?

— Нет! — отвечали, кузины, конфузясь.

— Что вы говорите? Вот мило! Да это не жизнь, а прозябание! Что же вы танцуете?

— Мы все танцы танцуем!

— Вот мило: все танцы танцуют, а полек не знают!

Да знаете ли вы, что такое эти польки? Видали ли вы их?

— Нет, даже не видали! Папенька не ездит даже в губернский город! — отвечали кузины, ещё более конфузясь и посматривая на своего папеньку, который в это время толковал что-то со своим старостой.

— Это просто ужасно! Вы не можете вообразить, кузины, что это за танец! Это просто прелесть, очарование! И молодой человек стал наигрывать языком какую-то новую польку. Кузины неотступно просили его научить их танцевать этот танец, и уже в головках их вертелась самолюбивая мысль: как удивится все их общество, когда в первом же собрании они первые протанцуют польку. Кузен согласился, и уроки пошли очень быстро и успешно. Через несколько дней должно было быть собрание в городе, и кузины стали просить столичного франта ехать с ними.

— Да что же это у вас такое за собрание? Расскажите мне.

— Как что такое? Разумеется, настоящее собрание!

— Настоящее! ... А, это должно быть интересно. Что же, у вас и клуб есть?

— Нет, клуба нет! Клуб хотели сделать, да как-то не удалось; а просто так, собрание!

— Вот прекрасно! Следовательно, и в карты нельзя поиграть? Неужели же все танцевать с вами, когда у вас и полек-то не знают

— Нет, кузен, у нас в карты играют! Не беспокойтесь! Это-то всегда можно!

— Да ведь где же играют? Клуба ведь нет у вас?

— Все равно! У нас в собрании играют!

— Как? В самом собрании! ... Ха, ха, ха! Нет, нет, не поеду ни за что не поеду! Это просто ни на что не похоже. Да как же вы то туда ездите!... В карты играют в собрании!... Ха, ха, ха!...

— Уж не говорите, кузен! Наше собрание ни на что не похоже. ведь трубки курят в соседней комнате и дым так и идет в танцевальную залу!...

— Как, и трубки курят! Ха, ха, ха!... Вот так собрание! Чудное собрание — нечего сказать!

— Зато, кузен, у нас там весело! Хорошеньких много! — сказала лукаво одна из кузин.

— Воображаю: должно быть хорошенькие! Кто же это, кто?

— А вот: Соничка Ъ — хорошенькая, Аглаичка Ь — прелесгь, Зиночка И — премиленькая. Пойдемте, кузен, пожалуйста.

— Разве посмеяться? Ну, пожалуй, пожалуй! извольте. Да у вас в чем же ездят, в сюртуках или во фраках?

— Ну, полноте, кузен! Вы уж очень насмешничаете! Разумеется, во фраках! Конечно, иные — пожилые — ездят в сюртуках, но молодые кавалеры все во фраках.

— Понимаю: в каких-нибудь брусничных, коричневых, зеленых?

— Нет-с, извините: больше в форменных! — возразила, несколько обидясь и наивно, одна из кузин.

— В форменных? В собрании!... Ха, ха, ха! от часу не легче! Однако, вдоволь посмеявшись над предстоящим удовольствием, фронт решил ехать. Самоуверенно надел он свой черный фрак, небрежно повязал большой, модный в то время, шарф, приколот его, где следует, блестящей булавкой и гордо натянул свои жёлтые чисто французского происхождения перчатки. Кузины оделись, по мнению фронта, также недурно и хотя не по самой последней картинке, но совершенно и со

вкусом, что немало его удивило. Две лихие тройки стояли у подъезда: одна из них в возке, в которой поместились кузины со своего маменькой; другая в широких покойных санях: в последние уселись франт и сам глава семейства. Быстро мчались они по гладкой зимней дороге и очень скоро приехали в город. Здесь они предварительно заехали к одному знакомому, где кузины поспешили привести в порядок свои костюмы, а помещик со своим столичным родственником волей-неволей должны были, по усиленным просьбам хозяина в хозяйки дома, погреться чайком. Наконец они были в собрании. Я не стану рассказывать о том впечатлении, которое произвело на столичного франта собрание городка со всеми его атрибутами — это вы сами легко вообразите. Но не могу умолчать о впечатлении, которое произвел он на все общество. Вообще весь дамский полгородка, т. е. маменьки и их дочери, тетеньки и их племянницы, наконец, бабушки и их внучки сильно предубеждены против столичных франтов, считают их большими, дерзкими насмешниками — подивитесь! — людьми, не знающими образования или не желающими его поддержать из пренебрежения к ним. В этот раз новый столичный франт не уничтожил этого обидного мнения, оскорбляющего его собратьев, но напротив, ещё развил его, особенно при первом своем появлении. Он вошел гордо, с саркастической улыбкой на устах; говорил со всеми, кому рекомендовал его родственник, небрежно и холодно, вообще занимался больше с кузинами и, как видно, надо всеми насмеялся. сидел невежливо, развалясь, и даже, увлекшись, вероятно, примером, курил трубку не только в соседней комнате, но даже в дверях танцевальной залы, что очень обидело дам. Но мало-помалу вместе с каждым танцем он более и более позабывал свою роль, делался разговорчивее и наконец под этот «бетховенский» — по его выражению — оркестр стал танцевать так много и весело, что удивил всех своею неутомимостью. Наконец, в самом разгаре общего веселья, кузины стали просить его протанцевать с ними вновь выученную польку; молодой человек охотно согласился. Представилось некоторое затруднение в музыке: оказалось, что из четырех музыкантов только один скрипач знал какую-то польку, которая, по его собственному признанию была не совсем подходяща к танцу, каданс которого молодой человек передал ему посредством иаигрыванья языком и хлопанья в ладоши. Впрочем, музыкант был человек смышленный, ловкий и знающий свое дело. Он тотчас варьировал известную ему польку так, как было нужно, и уверил всех, что все теперь пойдёт хорошо. Слух о том, что приезжий из столицы будет танцевать новую польку с одной из своих кузин, разнесся по

собранию быстрее молнии. Общее ожидание настроилось до высочайшей степени. Но истинно отрадно было видеть при этом, что могут сделать образование, свет и знание его приличий: ни одна из дам и девиц, которые с нервическим нетерпением ожидали видеть новый танец, ничем не обнаружили этого нетерпения. Напротив, они сделались пред этим зрелищем гораздо серьезнее, хладнокровнее в устах их сияла улыбка равнодушия и вместе с тем сомнения, что вряд ли можно их в чём-нибудь удивить, и вообще вся их внешность представляла сознание собственного достоинства. Одна маменька, с полушутливым, полуукоризненным тоном, заметила своей тринадцатилетней дочке, которая не умела еще скрыть своего любопытства и нетерпения: «Что вы так суетитесь? Тут, душенька, нет ничего необыкновенного: этот танец известный! В Петербурге и Москве его давным-давно танцуют! Это стыдно! Подумают, что ты худо воспитанная девушка!» — прибавила она почти шепотом, оправляя корсаж ее платья и скрывая за лифом какую-то тесемочку, которая своевольно выбилась наружу. После этого мамаша обратилась к соседней даме со словами: «Ужасный еще ребенок!». В ответ на это дама снисходительно улыбнулась, прибавя: «А как высока ростом!». Между тем зала наполнилась любопытными из соседних комнат: новый танец хотели видеть даже и те, которые отроду ничего не танцевали. В зале воцарилась тишина, прерываемая лишь слабым шепотом. Но раздались звуки только что импровизированной польки; танцоры вышли на середину залы. И вот они полетали быстро, быстро, по прямому направлению, покружились в углу и снова полетели — это была полька-tremblante... И неужели я должен уверять моих читателей в справедливости слов, которыми я буду теперь рассказывать о том неожиданном впечатлении, которое произвела полька на зрителей?... С каждым па танцоров лица маменек морщились, делались серьезнее, озабоченнее; когда же танец кончился, они изображали просто ужас и негодование. «Так вот что значит эта полька-то! — думали они — Прекрасно, нечего сказать Это просто неприличие!».

— Как вам нравится полька? — спрашивала одна маменька другую.

— Помилуйте! Это такой неприличный танец, что я не знаю, право, как можно допускать его в порядочном обществе. Я ни за что не позволю его танцевать моим детям!

— Ваша правда! прибавила третья. — Польку разве и могут танцевать только в Париже. Я тоже ни за что не позволю его танцевать своей Полине ...

— А я так просто, не велю своей и смотреть на эту польку! И что ей так восхищались? Трясучка — и больше ничего! — сказала насмешливо четвертая.

Строгость маменек пошла ещё далее, так что когда столичный франт стал танцевать польку с другой своей кузиной, то некоторые из них увели своих дочерей в другую комнату, говоря, что им неприлично даже и быть там, где танцуют этот танец, а не только смотреть или перенимать его. Мужья, под влиянием взгляда и развитого вкуса своих супругов, вполне разделяли их мнения. Один только из них, отставной воин, несмотря на пробывающуюся уже седину, вполне, по-видимому, согласившись с мнением своей жены относительно польки, отзывался о ней совершенно иначе: «Что ж такое? — говорил он. — По-моему, славный танец!». Молодые люди и девицы, рассуждая между собою, говорили, что полька — ничего! Что в ней нет ничего особенного! Что она весьма проста и вовсе не так трудна, как рассказывали, но что вряд ли они станут ее танцевать. Итак, по-видимому, польку ожидало здесь совершенное падение при самом появлении ее. Но — поверите ли?— вышло совсем иначе. Молодые люди и девицы, говоря вслух таким образом, думали совсем иначе и находили, что полька, напротив, очень миленький и весёлый танец! Вследствие этого в ту же самую ночь, по окончании собрания, в разных местах города, в полуосвещённых залах, припоминали па польки. Потом стали ее танцевать домашним образом, секретно. Далее изредка, ради шутки и смеха, танцевали ее на частных вечерах, и наконец через год она вошла во всеобщее употребление и заслужила общую любовь. Сначала, разумеется, маменьки ни за что бы на свете не позволили публично танцевать польку своим дочкам и не совсем благосклонно смотрели даже на то, что они забавлялись ею наедине но к чему не присмотрится, к чему не привыкнет человек?...И теперь уже не только не боятся полек, но любят их и стыдятся не танцевать, так что девица, не знающая их, пожалуй, получит название необразованной, хотя бы даже говорила по-французски и умела играть на фортепьяно. Появление в городке каждой новой польки составляло эпоху, разумеется, в танцевальном мире, если можно так выразиться; но теперь все польки знакомы и ни один уже столичный франт не удивит своим искусством; по крайней мере, ему так покажут. Но вот, наконец, далеко за полночь, калетовские (здесь не говорят «стеариновые») свечи превратились в огарки. Пора приниматься за мазурку, заключающую каждое собрание. Как хороша и разнообразна она! Какое поприще для изобретательности первой паре! Здесь танцуются все возможные фигуры мазурки: и с

поставленным на середину комнаты стулом, и с выбором цветов, качеств, добродетелей, пословиц, и с киданием платка вверх — но самую занимательную для остроумных кавалеров фигуру составляет прибирать рифмы. Девица говорит слово, кавалеры прибирают к нему однозвучное. Между этими рифмами вам удастся слышать много любопытных и весьма остроумных, как, например, эти: «морковь — кто таков?» «безделица — рукоделица», «Кинешма — Минишина», «сапог — ох ох!», «тыква — эк, вы!» — и т. д. Иногда, и очень часто, по поводу этих рифм происходят споры, находят, что рифмы не похожи.

— Как не похожи? тыква — эк, вы?

— Разумеется, не похожи: тык...ва, тут на конце «ва», а вы говорите: «Эк, вы» — у вас на конце «вы». Да и что за слово: «Эк, вы?» Этакого слова нет, а тут надобно слова говорить..

Но, как всему на свете, настает конец и мазурке, хотя у неё, впрочем, и нет конца, в чем согласился и один из музыкантов, говоря, что он давно уже выбился из сил, а мазурка все еще не кончается. Тотчас после мазурки все дамы начинают собираться домой, и только одна неугомонная молодежь просит протанцевать в заключение ещё французскую кадрилику. Но, как бы то ни было, вместе с угасающими или, по крайней мере, догорающими свечами танцевальная зала пустеет; но долго еще и после того полная жизнь кипит в карточной. Здесь уже давно переменяли догоревшие свечи, в медных подсвечниках, другими; но игроки крепко держатся своих постов. Было время, когда любимыми и общими играми в городке, из числа коммерческих, были бостон и вист; потом нежданно и неожиданно закрался как-то в общую любовь преферанс и уничтожил собою все прочие игры. При самом появлении своём он был встречен почти так же, как полька. «Препустейшая игра! — говорил записной игрок в вист и бостон. — Помилуйте, какая это игра? Не требует ни малейшего соображения, скука смертельная, точно в дурачки играешь». А между тем записной игрок продолжал себе играть в преферанс и стал мало-помалу предпочитать его даже бостону. «Кто его знает, — говорил он впоследствии, садясь за карточный стол, — Что это за преферуша: ведь пустейшая игра, никакого соображения не требует, а точно, братец, кабастика какая тебя подтягивает; сядешь играть, ну так бы и не вставал: хоть двадцать пулек сразу». И действительно, преферанс имел какую-то магическую силу: он привлек к себе и здесь, как везде, все полы, возрасты и состояния. Стали играть не только мужья, но даже дочери. Преферанс играется здесь со всевозможными вариациями: семь и

восемь с прикупкой, или иначе талоном, и без прикупки, с мусом и с пропасовкой, или розыгрышем, с мизерами и даже котлом.

Сначала преферанс игрался в первобытной своей чистоте; потом он вошёл в дружеские связи с вистом, и образовалась новая игра — вист-преферанс; и наконец, когда пошла мода на разные ералаши, то и здесь на сцену не преминул явиться карточный ералаш. В чистый преферанс играют здесь и по две коп. асс. (преимущественно дамы), и по две; коп. сер. (большая часть чиновников), и даже по пяти коп. сер. (только знать). Игра идет, как везде: сначала мирно и почти безмолвно, потом более угрюмо и сердито, а наконец, где нужно, и очень с сердцем, что оправдывается, впрочем, известной истиной: «Все люди, все человеки! Конечно, нельзя, что бы и не посердиться». На этом же основании случается, конечно, и то, что начальник гневается, если подчиненный обремизит его, что друзья месяца по два не говорят друг с другом за умысленно неправильный ход, что молодой человек получает протекции у старушки, проигрывая и подсказывая ей ходы: и здесь все то же, что и в большом свете, — только здесь все в миниатюре. Все люди, все человеки!

В карточной тотчас, по разъезде дам, как мы сказали уже, сцены изменяются: табак дымится страшно, всевозможные в городке вина, как-то: мадера, от которой чересчур пахнет французской водкой, херес, чрезвычайно похожий вкусом на мадеру, подцвеченную жженым сахаром, рейнвейн, которого невозможно различить с сотерном, и проч. и проч. — все эти вина пьются в большом размере, и число бутылок с наклеенными на них ярлыками растет быстро в соседнем буфете; разговор делается гораздо громче, свободнее и не-принужденнее; костюмировка изменяется.

— Эка жара! — говорит тучный господин. — Хоть бы снять с себя и сюртук; насили-то разъехались. Кто их знает, что им тут за радость! Прыгают, да и только!... Не понимаю, что за удовольствие!

— А вот тебя бы пустить поплясать! Хорош бы был! — возразил тучному господину его партнер, с вытаращенными глазами, высоко поднятыми бровями, с большим носом, который (т.е., разумеется, не нос!) самовольно взял себе право быть со всеми в самых коротких приятельских отношениях, для того чтобы говорить всем дерзости.

— Ну, полно, полно, ты, бритва! — возразил добродушно тучный господин. — Сам-то на кого похож? Раздался хохот. Дружеская перемолвка продолжалась.

— С чего ты ходишь? — говорят за другим столом. — Разве тебе следовало с туза ходить? Совсем не следовало.

— Захотел, так и пошел! — отвечает лаконически тот, к кому обращались предыдущие слова.

— Да он оттого с туза пошел, что сам-то на туза похож: вишь ты, какая фигура важная! — подхватил тот же господин, имеющий право говорить всем дерзости и только что кончивший перемолвку с одним противником.

На других столах играют более степенные игроки, находящиеся не в таких коротких приятельских отношениях; там и разговор гораздо благообразнее.

— Не угодно ли вам брать взятку-с... Она ваша! — говорит человек средних лет, выдвигая быстро вперед свою голову и в то же время склоняя ее набок.

— Моя-то, моя, почтеннейший! — отвечает другой господин:

— Да что вы привязались все к бубнам, что вы не ходите в трефы? видите, что они мне в руку.

— Извольте-с, я и в трефы! — возражает первый и в то же время смотрит на других партнеров с улыбкой, которой как будто хочет сказать: — «Ведь я, господа, не просил их говорить мне, чтобы ходить в трефы: они сами сказали; что же мне делать?»

... Но уж не скучно ли вам? не хочется ли вам спать? Вы не дожидаетесь, когда кончат эти господа: они проиграют еще долго. Долго еще будут играть они, потом долго станут разбирать свои шубы, картузы и калоши, а потом отправятся домой, где застанут всех уже спящими и с трудом растолкают крепко заснувшего казачка, который должен ожидать возвращения своего барина и сторожить комнаты.

Мы не успели следить за разъезжавшимися из собрания дамами, и хотя супруги и отцы застали их уже в глубоком сне, но они и уехали и заснули с разными чувствами: те матери, дочери которых были отличены, те девицы, которые много танцевали, оставались весьма довольны собранием и не замечали его недостатков; напротив, те барышни, которые были обойдены в танцах, сердились вместе со своими мамашами.

— На что похоже это собрание? — говорили они. — Кавалеры все условились, с кем танцевать... До собрания ещё разобрали всех дам; музыка, как на ярмарке; конфеты какие подавали: это ужас! Я взяла одну в рот, так не знала, что с ней и делать? Есть — невозможно. А еще эта Сонечка говорит, что французские конфеты. Много она понимает! Хороши французские!

— А ты заметила, — спрашивает маменька — что с ней больше всех танцевали?

— Как не заметить: она известная кокетка! Ну, право, даю честное слово, что если и следующее собрание будет такое же, я ни за что в него не поеду!

Но не бойтесь: она непременно поедет и в следующий раз, потому что не знает, будет ли для нее та же участь, как в прошедшем собрании, но, напротив, надеется танцевать много, много, и она сама станет звать свою мамашу.

Также строгому суду и колкому разбору подлежат все нововведения в costume, и нововводительница терпит горькую участь до тех пор, пока ее примеру не последуют сами рецензентки. Так, однажды ужасный шум наделала одна девица, которая, вычитав из журнала (а ведь здесь журналы читают), что в столицах ездят на балы с букетами, решила вооружиться им в предстоящее собрание. Но, Боже мой, бедная девушка! Сколько потерпела она за эту новость! Сколько двусмысленных улыбок посыпалось на этот букет! Сколько сарказмов обрушилось на её голову! Один из кавалеров даже написал на этот случай критику в стихах, от которых ужасно пахло курительным табаком. Все девицы находили, что приехать в собрание с букетом просто ни на что не похоже, а между тем — о люди, люди! — через несколько времени они сами явились в собрание с букетами, посколов для них все цветы со своих шляпок

Но с какими бы чувствами они ни прислали из собрания, что бы ни говорили, о чем бы ни мечтали, а сон слетел на их вежды и ещё более зарумянил их щечки, и без того румяные

Не уснуть ли и вам, мой благосклонный читатель? Вы, кажется, зеаете?... До свидания!

II

Итак, вы знакомы с проявлением общественных удовольствий городка; теперь я познакомлю вас с частным званым обедом, с частным званым вечером с закуской и с таковым же без закуски. Званный обед бывает только в торжественных семейных случаях, именно в именины которого-нибудь из глав семейства (а эти главы бывают разные: иногда отец, иногда мать, а иногда и кто-нибудь из детей). Именины такого рода составляют эпоху в городе: их ждут, к ним приготавливаются заблаговременно.

— Что-то у них будет? — говорят девицы. — Неужели опять этот несносный обед? Чтобы вечерок сделать с танцами!

Нецеремонные приятели часто не совестятся напомнить хозяину дома, что он скоро будет именинник и что они надеются у него поесть.

— Как же, как же, господа! милости просим! — отвечает будущий именинник.

И вот наконец настает этот день. Ранним утром, т. е. часов в семь или восемь пополудни, из всех знакомых домов отправляются к имениннику или к имениннице слуги с поздравлениями от своих господ «А барин и барыня, — говорят они, — приказали кланяться и поздравить вас с дни ангела». — «Благодари, — отвечает хозяин дома, — и проси господ с семейством и с детьми откушать к нам сегодня». На званые обеды к имениннику девиц почти не возят, да и к имениннице весьма редко, тем более, что последняя любить более звать на вечер. Часов в 12 начинают съезжаться гости. На столе является легкая закуска. В гостиной и угольной расставляются ломберные столы, и гости, в ожидании обеда, садятся за них подвизаться на зелёном иоле. В зале между тем становится длинный-длинный стол, иногда даже не один, и готовится для пиршества. На меня чрезвычайный эффект производит всегда совсем накрытый парадный стол. Ослепительной белизной сияет столовое бельё: грациозно обхватывает деревянную некрашеную фигуру стола белая как снег скатерть, не менее грациозно прикрывают тарелки с хлебом сложенные в виде трехгранной пирамиды салфетки; в удивительной симметрии расположены налево вилка, направо ножик сверху серебряная ложка; необычайную верность глаза обличают поставленные по прямой линии одни за другим стаканы и рюмки у тарелок, немножко подалеже бутылки с винами, и на самой середине стола — графины с водой и квасом, где опять-таки существует строгий порядок: сначала вода, потом квас, далее опять вода и опять квас... Удивительно! А кругом сюда в таком же порядке расставленные стулья; далее в ужаснейшем беспорядке слуги, бегающие из одной комнаты в другую, постоянно сталкивающихся и шепчущие что-то на ухо один другому с видом, необыкновенно озабоченным; а сама хозяйка, опытным взглядом окидывающая стол и исправляющая его недостатки и поспешно, иногда гневно, но всё, однако, тихо я шепком отдающая приказания... Чудное, поэтическое зрелище, уверяю вас. Готовится какая-то торжественность. И вот наконец часа в 3 пополудни эта торжественность открывается. Слуга с водкой в руках обходит гостей, и вслед за тем зовут кушать. Не подумайте, чтобы местничество, которое так сильно осуждали, над которым так много

смеялись и смеются, было совершенно уничтожено, — совсем нет! Оно живет, и не только здесь, в этой скромной жизни, но и там, что называют высшим светом: и там никогда не случится, чтоб гостья незначительная поместилась подле хозяйки, а более важная — дальше от нее.

Званный обед тянется чрезвычайно долго и состоит из бесчисленного множества блюд, между которыми главную роль играют разнообразные и разнохарактерные соусы; но всякий такой обед непременно заключается двумя условными пирожными: бламанже, как его называют здесь, и миндальным. Последним наполняются не только желудки, но и карманы обедающих родителей. Вина сохраняют ту же особенность в своем вкусе, о которой мы уже упоминали. С недавнего времени вошло в обычай ставить на стол десерт, как-то: три тарелки с разными вареньями своего производства и две стеклянные вазы: то с дынями и арбузами, то с яблоками и виноградом, смотря по времени года. Впрочем, нужно заметить, что десерта этого никогда не подают за обедом и он ставится только лишь для Одного украшения. За обедом гости пресыщаются до *pes plus ultra*, и эта фраза как будто нарочно выдумала для настоящего случая и идёт сюда гораздо более, нежели в тех многочисленных обстоятельствах, где употребляют ее знатоки латинского языка, единственно для того чтобы показать свое знание. После обеда мужчины снова садятся за карты, а дамы, напившись предварительно кофе, разъезжаются по домам.

Званные вечера с закуской бывают как по случаю имении, так и в сикурс общественного удовольствия, когда одни собрания уже не удовлетворяют разыгравшихся рук, расплясавшихся ножек. Тогда кто-нибудь из первых лиц городка объявляет в собрании, что он намерен дать вечер, и тут же приглашает кого следует, а к иным посылает накануне человека с приглашением. За этим первым вечером следуют другие, и этот первый служит как бы меркой для всех других: одни стараются, чтобы их вечера были лучше, другие, чтобы по крайней мере не хуже. Главный вопрос и здесь составляет музыка, и если вечер дается во время собрания, то, разумеется, и музыка бывает та же; в противном же случае призывается уже известный вам музыкант. На подобные вечера одеваются с не меньшею тщательностью, как и в собрание. Съезжаются часов в 7 или 8. Но для хозяев дома подобный вечер стоит больших хлопот: вынимается старинное серебро, хрусталь, фарфор, сдаётся со строгою отчетностью одному из самых опытных слуг; из залы выносятся излишняя мебель, для расширения пространства, ставятся на столы старинные серебряные подсвечники, в простое время скрытые под

спудом; даже снимается кисейный чехол с бронзовой люстры, которая висит в гостиной, и проч. В этот день зажигаются фонарь у подъезда и лампа в сенях, а сальные свечи изгоняются из дома, как будто и духу их не было никогда в нём слышано, и разве только, по привычке слуг и от недосмотра или экономии хозяйки, останутся две сальные свечки в прихожей, которые уныло мигают и дремлют в pendant своим товарищам по месту деятельности. Чтобы придать еще более эффекта в благовидности или, лучше сказать, благоухания своему празднику, во всех комнатах курится и курительными свечами, и курительной бумажкой, даже амбре, поливаемым на раскаленную плиточку, так что при входе в залу вы легко можете закашляться или по крайней мере чихнуть. Хозяин и хозяйка стараются принять самую улыбающуюся, самую беззаботную физиономию. И вот наконец часов в 7 или 8 вечера начинается съезжаться гости. Хозяин встречает их в зале, хозяйка — в гостиной; и вследствие этого, пока не соберется много гостей, в зале сидят преимущественно мужчины, в гостиной — дамы и девицы; при этом вы замечаете, впрочем, что некоторые из молодых людей, преимущественно танцующих, проникают в гостиную, расшаркиваются, говорят с дамами; другие довольствуются только тем, что заглядывают в гостиную, подходя к двери, ведущей в неё из залы, а потом быстро от нее удаляются, замечая, что обратили на себя внимание дам; третьи, наконец, очевидно избегают гостиной и держатся самой уютной и отдаленной части залы. В это время кушают чай; танцы ещё не начались, в карты не играют, и потому вы свободно можете видеть все общество, всех членов семейств. Но разговор как-то плохо клеится в это время, как будто все ждут, когда же кончится этот скучный съезд и начнутся танцы или подадут карты. И вот наконец с первым звуком смычка все женское общество переходит в залу, быстро подлетают к нему кавалеры, ангажируя на французскую кадрили, и в то же время все нетанцующее ужское поколение около стенок пробирается в гостиную и другие внутренние комнаты, где появляются столы — каждый с двумя свечами и двумя колодами карт. Тогда вы с удивлением замечаете, как быстро отлетает прежняя тишина и растет общий говор: значит, всяк в своей тарелке и у своей цели. Тот же господин, который так робко и стесненно сидел в зале, почти безмолвный и скучающий, делается весел, разговорчив и самоуверенно помещается за карточный стол: та же девица, которая так лениво и как бы нехотя разговаривала с другою в гостиной и почти не отвечала на учтивости кавалеров, проникавших в гостиную, здесь, в зале, совершенно изменяется, весело болтает с той же девицей и кокетливо лю-

безничает с тем же молодым человеком. Танцы здесь идут таким же порядком, как и в собрании. И хотя танцевать — это высшее удовольствие для всех девиц и некоторых молодых людей городка, но любезный и обязательный хозяин желает сделать свой вечер веселее, шумнее и разнообразнее, и так как подобные званые вечера бывают преимущественно во время Святков, то в танцевальную залу допускаются маски и просто ряженые, как говорится здесь. И вот вдруг среди танцев является человек двенадцать наряженных. В костюме их преобладают следующие материалы: ситец, картон и цветная бумага. На каждом из них надета свех плисовых шаровар ситцевая рубашка, иногда с бумажными эполетами; а головы украшены сделанными из картона, самых разнообразных и затейливых форм, касками, шишаками, или, лучше сказать, колпаками, увешанными погремушками и вырезками из цветной бумаги. Один или двое из этой толпы отличены несколько в своем костюме — каким-нибудь фантастическим кафтаном, обшитым тою же известной бумагой, или изуродованной огромной чалмой с павлиньими перьями, и вооружены бубнами, гармоникой, торбаном и т. п. Все эти картонные рыцари, остановившись посредине залы, поют разные песни, под звуки которых один или двое из них пляшут весьма бойко и замысловато, по-видимому, по-русски, но с каким-то особенным, может быть, татарским оттенком. То они попрыгают на одном месте в каданс песне, то прискачут на одной ноге, приподнимут левую и подшибут ее правой, то, наоборот, приподнимут правую и подшибут её левою, то пройдут боком среди образовавшегося около них кружка, бодро подпершись и искусно пристукивая каблуками, то вдруг пустятся вприсядку и т.д. Потом все певцы садятся на пол в два ряда, один против другого, и, изображая собою гребцов начинают петь хором с разными пантомимами известную русскую песню: «Вниз по матушке по Волге». Вокруг этих плясунов в зале тотчас же, по их приходе, образовался двойной ряд слушателей и зрителей, состоящий из мужчин и дам. У последних, однако, это зрелище не вызывает сочувствия, но, напротив, находит строгое осуждение.

— Quelle idee! — говорит одна девица, с весьма изнеженными и томными движениями, другой, которую нельзя отличить никаким описанием. — На званый вечер созвать эту толпу, которая раздирает уши своим пением и топаньем!

— Не говорите, ma chere. Это у нас только и бывает: этого нельзя встретить ни в одном обществе. Это ужас!

И, взглянув еще раз на певцов и плясуна, эти девицы отходят от толпы и, продолжая свой критический разговор, делают тура два по зале и потом, привлеченные какой-то новой выходкой плясуна, снова присоединяются к толпе.

— Вам не надоело смотреть на это? — спросила их вскоре еще новая девица, чрезвычайно живая и говорливая, которая никогда не отдыхала после танцев, но, подхватив под руку какую-нибудь из своих приятельниц, пускалась ходит по комнатам до нового танца.

— Полно же, Mesdames, как это вам не прискучило. Пойдемте ходить! А ведь пресмешно пляшет! — прибавила она, приостанавливаясь.

— Точно волчок не правда ли?

И, не ожидая ответа, она увлекла за собою двух девиц, разговор которых мы только что передали.

— Да-с, вот общество, вот удовольствия! — обратился к ним такой речью молодой человек, только что отделившийся от толпы зрителей. — Званный танцевальный вечер — и подобные зрелища в:«с где танцуют, поют и пляшут в рубашках! Какое смешение одежд и лиц, французского с нижегородским, как говорит Пушкин.

Но — бедный молодой человек! — он, вероятно, никак не предполагал, что он-то сам мог служить самым лучшим выражением этого смешения французского с нижегородским.

— Monsieur N! Пожалуйте сюда! — говорила дама с претензиями на самый столичный тон, подзывая к себе еще весьма молодого человека, который по этому призыву мгновенно подлетел к ней, как будто подкатился на лыжах. — И вам приятно слушать это?... Причем в пояснение дама сделала многозначительное движение рукою и ещё более многозначительную гримасу. — Вам не кажется, что это в высшей степени mauvais genre?..

— Нет, Madame, напротив, я нахожу, что это с большим шиком! — отвечал молодой человек, весьма довольный своим остроумием.

— Oh! comme vous etez caustique, Monsieur Это делает вам честь, но сядьте лучше возле меня; поговорите со мной, если хотите, конечно... — и еще более многозначительный взгляд упал из глаз дамы на молодого человека.

— Помилуйте, Madame, я почту за счастье! .. Позвольте вас ангажировать на французскую кадрили?

Совершенно другое впечатление производил хор песенников и плясунов на более пожилое мужское поколение города.

— Каково отхватывают? — спрашивал зеленый фрак, обращаясь к стоящему с ним рядом черному сюртуку, который, широко расставив ноги и опустив руки в карманы своих панталон, по-видимому, совершенно поглощен был звуками песни и только подергивал плечами, приподнимал брови и подмигивал левым глазом. — Каково отхватывают-то, я тебе говорю? — продолжал зеленый фрак. — Ведь просто, братец, заливаются. А запевала? Каков голосина! Знаю я тебя, голубчик! — прибавил он, обращаясь к запевале и грозя ему пальцем, на что последний ответил веселой и вместе глупой улыбкой.

— Важно поют! — сказал черный сюртук, выслушав песню до конца и еще выше приподняв плечи, а с ними вместе брови и еще хитрее мигнул.

— Нет, а ты вот посмотри, как он пляшет: так уж я тебе доложу. Да вот смотри, смотри: пошел. Вишь ты, какие артикулы выкидывает! А вот, смотри, козырем пошел: вот как козыряет. Вприсядку?... Ах ты, балаганщик! Скажи пожалуйста!...

Между зрителями и слушателями были даже такие восторженные дилетанты, которые во время пения подтягивали хору, а при пляске ясными жестами означали своё сочувствие. Вы заметили бы одного старичка, который, опустив несколько вниз и в то же время согнув на сторону свою голову и подперши руки вбока, выделывал ногами разныя па в каданс песне.

— Что, брат Кузьмич, полюбилось, что ли?

— Да уж так-то полюбилось, что и сказать не умею. В старинные года и мы умели плясать на славу! Показал бы я вам..

— А нельзя ли теперь? Повесели.

— Да ведь как, голубчик, вот модницы-то увидят — зубоскалки-то осудят.

— Нет, ничего: ступай, не бойсь! А хочешь, вот погоди, спросим хозяина и с барынями поговорим.

Здесь, чтобы объяснить последующую за сим сцену, мы считаем необходимым сделать небольшое отступление и обрисовать личность Кузьмича, или, иначе, Евграфа Кузьмича. Нам удавалось заметить в иных городках весьма оригинальные личности, которые, бесспорно, принадлежали к обществу, совершенно, впрочем, отделяясь от него. Они представляют собою нечто вроде паразитов. Евграф Кузьмич принадлежал к этому разряду. Он знает весь город, и, наоборот, всё городское народонаселение знает Евграфа Кузьмича. Но последнее знает его хуже, нежели он первое. Кто такой Евграф Кузьмич, какого он

происхождения, чем он существует, как попал в этот городок? — Все это известно весьма смутно, по преданию. Носятся слухи, что Евграф Кузьмич служил когда-то в военной службе и кончил свою карьеру с чином прапорщика; но справедливо ли это — никто не поручится; да и какое кому до этого дело! Когда попал Евграф Кузьмич в город и зачем он живёт здесь, а не в другом городе — это также неизвестно. Кажется, как будто он никогда и не расставался с настоящим местом жительства. Евграф Кузьмич — необходимая принадлежность всякого сборища городского общества, по какой бы то ни было причине, — необходимая в том смысле, как необходимо кресло, которое хозяин дома привык видеть в известном углу своей гостиной и которое могло быть вынесено или заменено другим безо всякого ущерба в удобстве или красоте мебелировки. Евграф Кузьмич являлся свободно всюду и везде находил если не радушный, то и не холодный прием. Впрочем, он не любит беседы у скромного, домашнего очага и никогда почти не является в дом в обычное время, но зато ни одно собрание, ни один торжественный случай не обходится без него. К имениннику и имениннице он первый приходит с поздравлением; на званый обед, на вечер он является прежде всех и уходит последний, а иногда даже и ночует в том доме, где совершалось торжество, в котором он принимал сильное участие. В собрание он входит также свободно и без платы. С Евграфом Кузьмичом никто себя не стесняет говорить, что ему угодно, спокойно объясняется о своих домашних делах, потому что всяк считает его за человека самого безвредного и незлоречивого. Со своей стороны и Евграф Кузьмич нисколько и нигде себя не стесняет, всюду входит без зова, держит себя непринужденно, садится на любой стул, но, между прочим, нисколько не интересуется и не вмешивается в чужие дела. За это, может быть, между прочим, Евграфа Кузьмича и любит весь город, за это, может быть, многие и позволяют себе обижать бедняка, посмеяться над ним, потешиться на его счет. Евграф Кузьмич бывает не только у городских жителей, но и в уезде у помещиков, по случаю именин и прочих тому подобных торжеств, когда к помещику собирается весь город. Если помещик живёт не так далеко, Евграф Кузьмич отправляется к нему просто, пешком, в противном же случае прицепляется к какому-нибудь экипажу, отправляющемуся туда же в гости, помещается на козлах, даже на запятках. Везде обращаются с Евграфом Кузьмичом одинаковым образом. Вот, например, он сидит у карточного стола и дает советы одному из игроков. Совет Кузьмича удачен, и игрок в знак благодарности, говорит ему: »Спасибо, спасибо, Кузьмич, молодец!» — и

гладит его по лысой голове, прищипывая волосы где-нибудь за ушами или на затылке. Но вот совет Евграфа Кузьмича неудачен, и раздосадованный игрок целой колодой даёт Кузьмичу сильного туза. Он никогда почти не обижается, но часто сердится и бранится. Евграфа Кузьмича можно попросить подать трубку, стакан воды, и он в ответ на эту просьбу весьма часто и нецеремонно скажет: «Вишь ты, а самому-то лень двинуться с места!» — впрочем, просьбу всегда охотно исполнит. Полное раздолье Кузьмичу тогда, когда соберётся одна только мужская компания без участия дам, и когда она войдет в весёлое расположение духа или подкутит порядком. «Эй, Кузьмич! спой, голубик песенку, да смотри — весёлую» — и он начинает петь своим дребезжащим голосом какую-нибудь забавную песню, вроде следующих:

За горами, за долами

Бонапарте с плясунами и т. д.

Или:

Ехал козёл по воду,

Подвязавши бороду...

Или, наконец, следующую, весьма употребительную и в деревнях:

Пошла я, Дуняша, во Марково в гости,

Дали Дуняше две кирби с десятком,

Выпряла Дуняша два просто с запрядом;

Вошла я, Дуняша, бердо промышлять:

Дали Дуняше бердишко в три зубишка.

Выткала Дуняша не холстик, не рогожу;

Пошла я, Дуняша, холстик мочити,

Холстик не взмочила, речку подсушила.

К этой песне всего замысловатее припев, который поется после каждой строчки:

Бирби брала, бирби лен,

Шихирь, михирь мартишон.

Пропев одну из таких песенок, Кузьмич прибавлял, тоже нараспев:

Едет чижик в лодочке в знатном чине —

Не выпить ли водочки по этой причине?

Едет чижик на другой —

Не выпить ли по другой?

После чего он и действовал согласно этой песенке, как хороший оперный певец. Часто, увлекаясь веселой песней, Кузьмич пускался плясать под нее. И делал он всё это не из угождения публике, не для того, чтобы потешить других, но по собственному побуждению. Евграф

Кузьмич — натура в высшей степени веселая и разгульная, не знающая ни скуки, ни уныния.

Познакомившись, таким образом, с личностью Евграфа Кузьмича, вы легко поймете то восторженное состояние, в которое пришел он, слушая песни и любуясь плясками переряженной толпы; вы также вполне допустите возможность того предложения, которое сделали ему: проплясать пред всей публикой, собравшейся на званый вечер. Евграф Кузьмич был готов показать свое искусство: он не знал только, будет ли это уместно в настоящем случае. Но мужское общество успевае́т доказать хозяину, что уж если позволил он неизвестным маска́м плясать на званом вечере, то, конечно, домашнему знакомому это будет гораздо приличнее и для общества приятнее. Хозяин не только убедился этими доводами, но ещё сам побежал предупредить дам, что теперь будет плясать Кузьмич. и поощрял его не конфузиться. «Да уж не беспокойтесь, и стар, да удал!» — ответил Евграф Кузьмич, приподнялся на носках, опустил на каблуки, щелкнул одним о другой и пошел выделывать такие штуки ногами, что «хоть бы и на театре... так впору», как выразился один из зрителей. «Ай, да Евграф Кузьмич! Bravo, молодец! Ну-ка, ну-ка ещё! Вот так, вот так! — Так похваливали со всех сторон мужчины, восхищенные пляско́ю Евграфа Кузьмича.

Последний, одушевившись ещё более и ободренный криками восторга, пришел в совершенный экстаз и, вырвавшись из окружавшей его толпы, начал кружиться по всей зале, задевал за столы, стулья, ронял их, падал, сам снова вскакивал, махал платком, который как-то очутился у него в руках, и снова выделывал ногами уму не-постижимые штуки, наконец, совершенно выбившись из сил, бросился на первый попавшийся стул и, опустив руки и вытянув ноги, смотрел на всех своими мутными, слезящимися глазами.

— Что за сцены здесь делаютя! — сказала уже знакомая вам дама с претензиями на высший тон, поднимая плечи к небу, а глаза на известного уже нам Monsieur N.

— Это уж и не сцены, — отвечал последний, — это хуже всякого парижского карнавала!

А между тем и первая и вторая от души смеялись над оригинальным плясуном.

Жизнь городка чрезвычайно тесна и однообразна: общих интересов она почти не имеет; общественные удовольствия его весьма бедны и опять однообразны; эстетических зрелищ, развивающих и облагораживающих вкус, публика такого городка совсем не встречает: ее

смех или ее сочувствие возбуждается только каким-нибудь случаем из частной жизни. Вследствие этого-то однообразия скучающая публика и находит иногда интерес в таких зрелищах, каково сейчас нами рассказанное. Но между тем, смотря на них, она в то же время сознает их пошлость. Однако, это сознание всегда оскорбительно для самолюбия самой публики; хотя она изредка и посмеивается над своими смешными сторонами, но глубоко оскорбляется, если их заметит постороннее лицо. Впрочем, все эти выводы для нас дело почти постороннее, и потому мы поспешим продолжать свой рассказ.

— Важно, Кузьмич, славно! Он давно этак не отличался! — говорит хозяин вечера. — Это для меня: спасибо. А что, ведь славный вечерок вышел: всего вдоволь, всем весело. Чего ещё больше? Правда ли, господа?

— Да уж ты, брат, мастер на это; за тобой не утыгаешься! — отвечает один из гостей.

— Помилуйте! — говорит другой.

— Назвал всякой сволочи, да и хвастает! — шепчет третий на ухо четвёртому.

— Да он так и звал меня к себе, возразил последний, — приезжайте, — говорит, — ко мне в пятницу, у меня, — говорит, весь город будет, встречного, — говорит, — и поперечного буду звать, так приезжайте, — говорит, — и вы непременно. Весьма, — говорю, — приятно! — а сам и думаю: очень, мол, весело у тебя будет, как весь город соберется

— А вот, я вам доложу, уморительно! — говорил, почтительно подходя к хозяину, какой-то изветшалый фрак. — Здесь по городу этого... комедия ходит, так уж доложу вам: уморительно! У меня были: насмешили-с, гривенник дал, нельзя этого... уморительно! Вот бы изволили позвать! Позабавят уж, нечего сказать!..

— Да что же это такая за комедия? Кто же представляет-то, и что такое?

— Помилуйте! Да неужели не изволите знать? Это почти каждые Святки бывает: грамотные мещане, знаете ли, этого... ну да мальчишки какие возьмут этого... какую-нибудь комедию, что ли, какую или стихи да их и представляют!

— А знаю, знаю. братец! Сейчас же пошлю. Спасибо, что напомнил.

И действительно, чрез полчаса или чрез час комедия является. Хозяин дома предуведомляет об этом своих гостей; конец залы прилежащий к прихожей, освобождается для сцены. Выходит какой-то господин, называющий себя офицером и одетый в страшно затасканный сюртук, с

саблей без ножен, заткнутой за пояс. В руки у него большой чёрный шерстяной платок. Размахивая этим платком, офицер начинает декламировать и говорит нараспев:

Гляжу, как безумный, на чёрную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был,
Гречанку младую я страстно любил.

При последних словах из прихожей выходит новое лицо. Это мужчина в женском платье. Голова его повязана клетчатой косынкой; плохо выбритые усы и чересчур красное лицо составляют поразительный контраст с женским кисейным платьем, из-под которого виднеются давно нечищенные сапоги. Вы догадываетесь, что это гречанка. Она садится на стул; перед нею на колени становится офицер и с особенным энтузиазмом говорит ей:

Ваши глазки — два алмаза,
Губки — пламенный коралл,
Шейка — жемчуг и опал,
Щечки — яхонт в дымке газа;
Сердце ж, верно, не гранит.

В ответ на это гречанка несколько хриплым и сиповатым голосом поёт:

Ненасытный ты мой,
Как люблю я тебя!
Взор пленительный твой
Сожигает меня.

Пропев это четырехстишие, гречанка уходит, и офицер, сказав: «О, как я счастлив, несчастный!» — начинает плясать, во изъявление своего полного восторга, потом растворяет дверь в прихожую и говорит: «Однажды я позвал весёлых гостей. Господа гости, пожалуйста сюда». И вслед за тем сцена наполняется самыми разнохарактерными костюмами, от синей чуйки до старого фрака и от сюртука до дубленого полушубка. Тогда офицер обращается к хозяину дома, и с выразительной улыбкой говорит ему: «Что же, сударь, водочки-то гостям, пожалуйста».

— Изволь, изволь, любезный, только представляйте хорошенько.

Выпив по рюмке водки офицер и гости начинают петь весьма нескладным хором:

Где друзья минувших дней,
Где гусары коренные? и проч.

Вдруг, среди этой песни, из дверей выскакивает, по ходу дела, вероятно, еврей, в котором, впрочем, жидовского только разве одна ермолка: а в черном его кафтане вы, с большою вероятностью, заподозрили бы спальный женский капот. Роль свою этот пародированный сын Израиля начал с того, что пустился плясать под следующую песню, которая начиналась так:

Як приехав в Золнир
Дожидав аренду.
Лядзир ду, лядзир ду
Шинцем кратер, мицен бир,
Шини, мини, канцер мир.

Вероятно, это какой-нибудь особенный жидовский язык. Кончив свою песню и пляску, еврей подкрадывается к офицеру и говорит ему:

С тобою пируют, — шептал он, — друзья,
Тебе ж изменила гречанка твоя.

Офицер вздрагивает, выхватывает из-за пояса свою саблю, замахивается ею на жида, потом бьёт себя в грудь, кидает еврею кожаный мешочек, в котором лежало золото, звучащее, впрочем, весьма похоже на медь, и восклицает:

— Я дал ему злата и проклял его. Но где ж мой верный денщик? Иди, иди скорее... Но нет отрады!... Я убиваю себя!

И он замахивается саблей.

— Остановись! Ты идешь на вернейшую опасность! — говорит, как по писаному неожиданно явившийся денщик.

— Седлай же скорее коней!

— Мы вышли. Я мчался на борзом коне, — продолжает офицер и уходит со сцены за кулисы, т. е. в прихожую.

На место его оттуда же выходят уже знакомая нам гречанка и армянин в ситцевом халате и чалме из зеленого платка. Эта курьезная пара начинает любезничать; армянин потчует гречанку орехами, та предлагает ему затянуться трубкой. В это время входит офицер, декламируя:

Вхожу в отдаленный покой я один...

Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света, булат загремел...

И вслед затем, с обнаженною саблею, бросается он на счастливых, спокойно щелкающих орешки, и те, не дав ему еще подойти к себе и коснуться до них своим булатом, оба падают на пол.

— Скончать поцелуя злодей не успел! — говорит торжественно и в заключение храбрый витязь, указывая на лежащих на иолу армянина с гречанкой.

Потом, с помощью своего денщика, он, не без усилий выносит в прихожую обе свои жертвы и, снова являясь на сцену, говорит, обращаясь к зрителям:

— Теперь не будет ли милости, господа?...

— Да что же, брат, не кончаешь? Тут ещё говорится в стихах, как он там их в Дунае топил да саблю обтирал шалью; а ты что ж этого не представлял? — спросил один из гостей.

— Да уж тут пойдет все неподходящее. Как же тут реку-то представишь? Ведь мы без декораций представляем. Впечатление, произведенное этим зрелищем на общество, было подобно тому, которое мы заметили после сцены с ряженными и Евграфом Кузьмичом. Пожилое мужское поколение оставалось довольно, находило, что «представляли хорошо и как всё это мастерски подведено: конечно, платье не так хорошо; да можно ли и требовать: ведь не настоящие же в самом деле актеры, а так только, по своей охоте играют».

Женское поколение было совершенно иного мнения: оно чрезвычайно оскорблялось, что на званом вечере были допущены подобные зрелища. Дама с претензиями на высокий тон заметила, что это до такой степени нелепо и пошло, что она уж и не знает, с чем это сравнить... Monsieur N сказал, что, по его мнению, эти паясы не комедию представляли, а комедь ломали. Эта заметка показалась даме с претензиями на высокий тон чрезвычайно остроумною и глубокомысленною, вследствие чего она и поздравила Monsieur N с большой наблюдательностью и необыкновенным юмором.

— Эти сцены достойны наблюдения и юмора! — возразил самодовольно молодой человек.

Кроме приведенной нами импровизированной драмы, эта странствующая труппа разыгрывает целые действия из «Филатки», «Мельника», «Сбитенщика» или олицетворяет анекдоты, сказки и т. п.

После этих весёлых антрактов танцы снова возобновляются и, как водится, по обычаю оканчиваются мазуркой. Пышный ужин, с приборами для каждого гостя, или попроще — в виде закуски, где все яства ставят в один ряд на стол, а тарелки, вилки, ножи и ложки стоят и лежат целыми кучами, заключает вечер, и посетители разъезжаются по домам веселые и довольные, но смеющиеся над сами-ми собою и порицающие самих себя.

— Кажется, все было хорошо? — спрашивает хозяин вечера, смотря на свою супругу.

— Чего же ещё более! — отвечает она.

— И весело, кажется, было. Танцевали много, и ужин хорош.

— Да, посмотрим, кто лучше нашего сделает!

Теперь не хотите ли вы посмотреть на званый вечер без ужина. эти вечера бывают по случаю именин второстепенных членов семейства, а иногда и в ряду вечеров в собственном смысле, т. е. танцами и ужином, когда какой-нибудь экономный член общества не Елает делать больших расходов. Па этих вечеринках танцы не есть необходимое и обязательно условие; а так как зов — великое дело, то вообще стараются избежать формального приглашения на такие вечера чрез слуг и зовут как бы мимоходом, встречаясь где-нибудь в гостях у других; если же посылают человека, то строго ему наказывают: звать на чай, а не на вечер. Мы сказали уже, что танцы не составляют необходимости на этих вечерах, и если они бывают, то, как роскошь, как претензия доставить полное удовольствие гостям. фортепьяно, на котором умеет брэнчать французскую кадрили хозяйка или её дочь, или известный уже нам скрипач составляют вполне достаточный оркестр для этих танцев. Гости наряжаются для такого вечера гораздо проще, съезжаются раньше, но начинаются его точно так же, как и вечер с ужином, т. е. дамы сначала усаживаются в гостиной, мужчины в зале; потом происходят известная уже нам сортировка и разделение: дамы переходят в залу и начинают танцевать, мужчины усаживаются играть в карты. Но танцы под дребезжащий и неверный звук фортепьяно или под визгливый писк скрипки скоро надоедают: танцоры неохотно принимаются за них. лениво двигают свои ноги и очевидно пренебрегают этой пародией на удовольствия собрания.

— Не лучше ли, поиграть нам в фанты? — спрашивает предупредительная дочь хозяйки.

— Вот ещё что вздумала! Какое удовольствие! — говорят полупшепотом или думают про себя девицы, но, впрочем, охотно, по-видимому, соглашаются на предложение.

Игра в фанты здесь чрезвычайно разнообразна и имеет множество весьма оригинальных названий. То, например, все играющие садятся в кружок и передают один другому серебряный рубль: один, стоящий среди этого круга, должен искать рубль, и тот, у кого найдет его, обязан заплатить фант и заменить отыскивающего. Эта игра называется «пошёл рубль». То все игроки берутся руками за верёвочку, на которой надето

кольцо, так же, как рубль, передаваемое из рук в руки и отыскиваемое одним из играющих. Это называется играть в верёвочку. Нужно ли говорить, что в этих играх молодой человек, симпатизирующий которойнибудь из девиц, успеваеет всегда поместиться рядом с нею и как часто его рука без нужды касается её руки, и как в это время принужденная, беззаботная улыбка прикрывает истинные чувства владельцев этих дружеских рук, и как искренняя, непритворная краска покрывает их лица?.. Нет, об этом не нужно говорить: здесь секрет, хоть и давно всем известный и не- хитрый, но всё-таки секрет!... Играют также в соседи, когда все рас- саживаются попарно и спрашивают друг друга: «Довольны ли вы своим соседом?» — до тех пор, пока один не скажет: «Всей деревней не доволен!» — и тогда все бросаются переменять свои места; или в цвета, когда каждый из играющих называет себя каким-нибудь цветом: зелёным, жёлтым, фиолетовым и проч.; или н дамский туалет, когда в дело идут уже не цвета, но названия различных приборов этого туалета: гребёнки, помада, духи, чулки, подвязки и проч., и когда эти приборы поочередно выходят по требованию одного из играющих до тех пор, пока барыня не потребуеет весь туалет, вследствие чего и гребёнки, и помада, и подвязки, и башмак приходят в движение, смешиваются в кучу, зацепляют друг друга и часто падают. Некоторые игры особенно возбуждают собою общую весёлость и дают простор и повод остроумию. Такова, например, игра в кухню. Здесь каждая девица и каждый молодой человек называют себя одною из принадлежностей кухни: ухватом, кочергой, кастрюлей, чумичкой, сковородником; а самый остроумный из них, указывая на нос, губы, уши и т. п., спрашивает: «Что это?» — и кочерга, например, непременно должна отвечать, что это — кочерга, а судомойка, что это — судомойка. Дело тут в том, чтобы не засмеяться при подобных ответах и не назвать носа — носом, ушей — ушами, и пр., но отвечать на все вопросы только тем названием, которое примет на себя спрашиваемое лицо, а спрашивающий обязан сколько возможно более смешить. При этом надобно заметить, что часто в этой игре участвующие чрезвычайно удачно выбирают себе имена, характеризующие их особы и представляющие сходство поразительное, хотя и отдалённое... А уж об искусстве возбуждать смех выбором предметов, о которых спрашивается что это, и говорить нечего...

В этом же роде игра — «заперт постоялый двор». В ней раздаются карты играющим, и тот, кому попадётся червонный туз, объявляет, что постоялый двор заперт, т.е. что все лишаются права не только говорить, но даже улыбаться, кроме его одного, имеющего ещё особенную

обязанность смешить всех других, чтобы заставить заплатить фант. Само собою разумеется, что червонный туз большею частию отдаётся самому любезному, весёлому и умеющему смешить молодому человеку, и он напрягает всю свою комическую способность, чтобы вызвать смех на уста крайне серьёзных на этот раз девиц; рассказывает разные смешные истории, делает гримасы, спрашивает иногда с самой уморительной физиономией: «Что это У вас, носик?» — или: «Какой смешной носик, точно у пигалицы», — или: «А где же ваш язычок? Что он — улетел? На берёзку улетел? Гуль, гуль, полетели, полетели, да на берёзку и сели!». После таких и подобных шуточек вряд ли кто удержится и не засмеётся. Но ведь е все одарены этою способностью — умением смешить; девицы; особенно затрудняются, когда им попадетсЯ червонный туз. Тогда нередко случается, что в их положении принимают участие родители и близкие родные. Вот подходит к играющим пожилой отец семейства, чтобы выкупить из затруднения свою дочь с червонным узом.

«Что у вас тут делается?» — спрашивает он, обращаясь к одной из девиц, которая слывёт за особенную хохотушу. Последняя отвечает ему одним киванием головы, пожелав проиграть фант; но ей не выдержать до конца своей серьёзной роли: весельчак-отец семейства делает страшную гримасу, надувает своё лицо, схватывает себя обеими руками за бакенбарды и смотрит прямо в лицо охотнице смеяться: та не выдерживает и проигрывает фант. «Что, каково насмешил!» — говорит самодовольно весельчак. — «Да это неправильно: вы не имеете права смешить: это должны они!» — возражают все играющие в один голос. — «Этак ведь можно хоть кого насмешить, пожалуй!». — «Да уж нечего, нечего — насмешил!» — говорит весельчак. Но после ухода его дело владельницы червонного туза не поправляется и не ладится; тогда место папеньки занимает старуха-бабушка. Подкрадываясь потихоньку к кружку играющих она приседает и высовывает из-за стола свое морщинистое лицо; неудержимый, уже общий смех бывает ответом на эту выходку... Часто является на сцену и Евграф Кузьмич и, ради общего смеха, повернется и попрыгает на одной ноге, пропоёт: кукареку, прихлопывая вместо крыльев руками, и т. п.

Разыгрывание фактов представляет также особенный интерес и совершается в весьма разнообразных формах. Фанты собираются с проигравших в виде колечек, серег, булавок и т. и. Все они складываются в глубокую тарелку; последняя покрывается салфеткой. пз-под которой и вынимаются они одною из беспристрастных по- сторонних зрительниц игры.

— Ну, Mesdames, как же мы будем разыгрывать фанты?

— А вот, пусть скажет Monsieur N. Он большой на это выдумщик. Ну-с. Кто фант вынет, что тому делать?

— Статуей быть!

Внимают. Оказывается, что статуей быть приходится одной из девиц. Её ставят на середину залы, и каждый из играющих должен подойти к ней и переменить по своему произволу её позицию. Здесь в этой игре выражается вкус общества в пластическом искусстве.

Эта статуя по воле одного протянет вперед обе свои руки, как будто просит милости или пощады; по воле другого она поднимает обе руки вверх и грациозно изгибается всем телом, как будто готовится идти в русскую пляску; но вот новый художник, оставляя одну руку статуи поднятою, другую опускает вдоль сё тела, а следующий за ним делает из статуи подобие русской буквы Ф. Конечно, надобно заметить, что с этим живым и гибким мрамором художницы обращаются гораздо смелее и свободнее, нежели художники, которые, зная нежное свойство этого материала, выражает свою мысль только словами или самым лёгким прикосновением руки. Напротив, если материал для осуществления мысли художника является в лице не ламы, а мужчины, то последние делаются гораздо смелые и в созданиях своих оригинальные: они лают статую или вид охотника, метящегося в цель, или вид кулачного бойца, готового ринуться в бой, или ставят его на одну ногу и велят зажмурить глаза в уподобление соловью, забывшемуся под свою бойкую и заунывную, полную восторга и вместе тоски песню, или наконец, соединяя большой палец левой руки статуи с мизинцем правой и приставляя большой палец последней к её носу, заставляют её присутствовать таким образом всё почтенное общество.

— Ну, теперь чей фант вынется, что тому делать?

— Зеркалом быть.

Жребий падает снова на девицу, которая и спешит превратиться в зеркало. Оно с успехом, верно и отчетливо, отражает все движения смотрящихся в него девиц: они поправляют свои волосы, корсаж своего платья, немножко переехавшую на бок берту; затейницы делают вил, будто белятся и румянятся, к чему они, конечно, не привыкли, за избытком природной белизны и румянца — все это зеркало отражает как нельзя лучше. Но вот подлетает к нему молодой человек бойко взъерошивает свои волосы: зеркало сильно затрудняется, не желая портить своей гладкой, красивой прически; Молодой человек с серьёзным видом гладит свои не существующие усы — зеркало делает то же, но

улыбается; молодой человек начинает изучать свои грациозные позы: вот он смело и несколько на бок раскланивается, вот подлетает ангажировать даму и, останавливаясь перед ней, приподнимается несколько на носках, наклоняет немного голову и выворачивает вперед локти; потом вдруг он складывает по-наполеоновски свои руки, устремляет долгий и пронизательный взгляд в зеркало, а на уста свои призывает самую убийственную, саркастическую улыбку — всё это совершенно сбивает бедное зеркало, и оно, конфузясь, отказывается от исполнения своей обязанности. Далее идут новые формы разыгрывания фантов. Например: быть соломинкой.

— Если бы я был соломинкой, что бы вы из меня сделали— спрашивает у девицы молодой человек, которому суждено было сделаться соломинкой.

— Я сделала бы из вас шляпку для себя! — отвечает девица.

— Как я вам благодарен! Что может быть приятнее удовольствия быть надетым на вашу прелестную головку? Ну, а вы, что бы со мной сделали, если б я была соломинка? — спрашивает молодой человек у другой девицы.

— Я-с?... Право не знаю; ничего бы не сделала

— Нет, этого нельзя: надобно непременно что-нибудь сделать! Что же бы вы сделали?

— Я положила бы вас на стол.

— Да нет, это все ничего не значит: нет, вы скажите, что бы вы именно со мной сделали?

— Да, я, право, не знаю-с Что же мне с вами делать?...

— Эх, да скажите ему, что вы бы эту соломинку велели на овине хорошенько просушить, а после велели бы цепями хорошенько выколотить! — подхватил уже знакомый нам господин, имеющий право быть со всеми на приятельской ноге и говорить всем дерзости.

— Ну, что же, вы сделали бы это со мной?

— Да что же мне делать с вами?.. Ну, сделала бы! ..

— Очень, очень вами благодарен: прекрасное желание, нечего сказать!... Благодарю вас, очень благодарен...

Новому фанту назначается: быть кораблем. Фант принадлежит девице.

— Если бы я была кораблём, что бы вы со мной сделали? -спрашивает она одного из кавалеров с весьма смелыми манерами.

— Что-с?.. Я бы вас нагрузил брильянтами и пригласил бы всех посмотреть на вас.

— А вы что бы со мною сделали? — спрашивает корабль-девицы свою подругу.

— Я поехала бы кататься по реке!

— А я увязала бы вас лентами, материями и стала бы на вас всё любоваться! — прибавила друг девицы-корабля, крепко целуя её. Потом фант должен в одном углу пропеть, в другом проплясать, в третьем сказку сказать, а в четвёртом помолчать. Далее меряют ленты, продают кофе с сухарями и сливками, представляют нищего с сумкой. Иногда проигравший фант выходит на середину комнаты и говорит:

«Горю, морю на камешке:

Кто меня любит, тот меня сменит!»

Сменяющий эту жертву огня имеет право её поцеловать, но, разумеется, позволяют себе это только девицы со своими подругами. Любимую форму разыгрывания фанта составляет: быть оракулом. Обречённый садится на стул и покрывается большим, толстым платком. Желаящие услышать от него предсказание подходят и безмолвно касаются до головы его пальцами. Само собою разумеется, что оракул не может сказать правды и возбуждает общий весёлый смех.

В разыгрывании фантов не всегда соблюдается совершенное беспристрастие; напротив, более замысловатые и трудные задания для выполнения, как, например, быть оракулом, назначают большею частию самыми искусным и ловким из кавалеров.

В таких играх проходит вся вечеринка, и, утомившись их однообразием гости разъезжаются, хоть не весьма веселые, но и не скучающие. Пересуды, разумеется, являются на сцену в домашних беседах, следующих за этими вечеринками; но они не имеют такого обширного размера, как те, которые бывают после больших, многолюдных собраний и вечеров.

III

Теперь, для полноты картины, нам нужно рассказать о святочном маскировании и ряжении. Маскируются обыкновенно только лица, принадлежащие к высшему слою городского общества; рядятся, напротив, только в низшем. Но вообще и маска и ряженные создают свои костюмы из домашних средств: из старых платьев, Платков, лент, цветов и проч. Какое-нибудь весёлое семейство в один святочный вечер задумывает маскироваться.

— Но как же? В какие костюмы?

— Я наряжусь испанцем! — говорит один из членов этого семейства.

— А я — подьячим.

— А я — цыганкой.

— А я — русской крестьянкой: у меня будет чудесный костюм.

— Вы все выдумываете пустые костюмы. А вот у меня так будет занимательный: я оденусь волшебником и буду предсказывать.

— Да какой же это будет костюм? Из чего ты его сделаешь?

— Очень просто. У маменьки есть черный атлас, споротый со старого салопы: из него можно сшить мантию; кругом обложить её позументом; вырезать из золотистой бумаги звезд, полумесяцев, разных иероглифов — вот и весь костюм. Надену какую-нибудь страшную маску, возьму в руки черную трость — вот и всё.

Костюм испанца создается таким же образом: шьется коротенький плащ из какой-нибудь старой шелковой или полубархатной мантильи, надеваются узенькие панталоны, женские чулки и башмаки; голова, за неимением настоящей испанской шляпы, украшается разогнутой треугольной которая чрез это принимает форму тирольской соломенной шляпы, или, лучше, той, какую в наших театрах украшаются головы жидов. Костюм подьячаго воспроизводится с большею верностью и с большим удобством. В каждом городке, наверно, есть какой-нибудь сторожил, у которого сохранились фраки, панталоны и чулки если не времён очаковских и покоренья Крыма, то ближайших к ним. И вот желающий имеет полную возможность надеть мундир из зеленой материи с красным воротником, желтые или бланжевые, в обтяжку, брюки, черные чулки, башмаки с пряжками и шляпу корабlichem. Воображение, большею частию пылкое и преувеличивающее, помогает докончить этот костюм различными атрибутами: какими-нибудь медными очками с огромными круглыми стеклами, чернильницей, повешенной на пуговице мундира, пером, заткнутым за ухо, огромной тавлинкой, мо-гущей вместить несколько фунтов табаку и по величине своей едва ли не годной для пресловутого великана замечательной волшебной оперы «Красавица с золотыми волосами». Для русской крестьянки у знакомой купчихи достается богатый шелковый сарафан, кисейная с безмерными рукавами рубашка и бархатная, унизанная жемчугом и отделанная канителью и стеклярусом повязка.

Закостюмировавшаяся таким образом семья отправляется к своим знакомым. Попарно входят они в дом, безмолвно и важно проходят залу,

гостиную и обратно; также безмолвно сначала смотрят на них хозяйева, потом начинаются замечания и догадки.

— А какие интересные маски? Кто бы это был? — говорит хозяйка.

— А знаете, мамаша, кто это?

— Нет, не знаю; а кто?

— Вот этот весь в черном, — это А.

— Э, нет, душенька! Не может быть. Если это А., так кто же с ним под руку? Если В., так не может быть: она гораздо ниже и толще, а эта худощавее. Нет, я так думаю, что это семейство С.

— Ах, в самом деле, в самом деле: они и есть; посмотрите, и плащ-то на этом испанце сделан из их старой мантильи: знаете, что прошлого года сшила мать и еще так важничала, что по последней моде! — замечает дочь на ухо своей мамаше.

— Маски, мы вас узнали — откройтесь. Маски отвечают визгливыми голосками или отрицательным киванием головы.

— Ну да полноте, откройтесь; ведь узнали! Да погодите, мы сейчас докажем вам, что это вы! — говорит одна из дочерей хозяйки. — Матрёша! Послушай, узнай, на лошадях они или пешком? — приказывает она шепотом горничной, которая также с любопытством разглядывала костюмированных, стоя, впрочем, вдали у дверей.

— На лошадях, сударыня, на лошадях и лакей с ними в прихожей.

— Кто же это?

— Да никак узнать невозможно: у лакея-то рожа завязана; ничего и не говорит: такой секретник! — отвечала горничная, весьма живо, размахивая руками.

— Погоди-ка, я сама спрошу его.

И любопытная барышня бежит в прихожую. Там она находит слугу костюмированного, у которого воротник шубы был поднят и обвязан еще сверху большим платком, так что закрывала все лицо и, казалось, препятствовать ему дышать. Этот слуга был окружен дворней, которая с любопытством и смехом тормозила его, добиваясь узнать особу, но, вероятно, по приказанию своих господ, а может быть, также и ради собственного интереса, он упорно отбивался от всех и скрывал тайну. Барышня подошла к нему.

— Господа велели тебе сказать, кто они! — сказала она.

— Нету-с, не велено сказывать! — отвечал он, отворачиваясь к стене, и, вероятно опасаясь, чтобы глупая улыбка, которая разлилась по его физиономии, не просияла сквозь самый покрывавший её платок.

— Да, полно, скажи: тебе говорят, что уж господа признались, кто они; велели также и тебе сказать!

Но слуга, весьма довольный своею ролью, упорно сохранял молчание.

— Нет уж, барышня, мы пытали спрашивать, да ничего не добились.

— Да чего тут добиваться-то: известно это Тишка-с!

— Как, бишь, тебе не Тишка: Тишка бы и стал отнекиваться; тот бы уж давно все разболтал, а этот, ишь ты, ровно барин! — Эко дело: не велели, так и нишкнет. А ты взглянь на леврею-то: разве не видишь, что ихнинская!

— Да, смотри, ихнинская! Пошёл! У них, чай, нету и зимней-то.. одна летняя; а как едут куда зимой, так Тишка-то всегда полушубок под низ вздевает.

— Ну же скажи, дружок, чей ты! — настаивала любопытная барышня.

— Да, погоди, сестра, я вот, сейчас узнаю, кто они: спрошу кучера, — сказал брат любопытной сестрицы.

— Нет, сударь, пытали и его тормошить, так и тот туда же: закрывает бороду рукавицей, да и только. Мы, мол, тебя в сугроб свалим да и лошадей-то распряжем; молчит, — да и всё тут: слова не пропустил.

— А вот погодите, я сам спрошу.

И молодой человек, преследуемый всей своей дворней, отправляется в сени. Костюмированный лакей бежит за ними же и, чтобы предупредить откровенность кучера, не добежав еще до него, кричит во все горло:

— Эй, Микита, нишкни! Не велено сказывать!

— Ах, так это С-кие и есть! Микита — кучер, а лакеем — Еристарх! Так и есть! — посыпались замечания от дворни.

— Что, брат, хотел скоморошить, да еще, видно, не понавык: сам сказал! Тебе бы замок к губам-те привесить, а то туда же, шалью завязали.

— Они, они и есть. То-то я смотрю и лошаденки пененские: такие поджарые да мохнатые.

— Врешь, пустомеля! — заметил оскорбившийся Еристарх, или в переводе, Аристарх. — Это и лошади-то не городские: нарочно из деревни привели, чтобы по ним не узнали. Вот и видно, что врешь Эти, чай, рыжие, а у нас городские-то карие.

— Ха, ха, ха! Опять заговорил! Эх, ты, Еремей! Тоже вырядился. я ли, не я ли, мол, комедь играю, да сам и рассказывает всё! Ну уж!... Ха, ха!..

Между тем молодой человек, довольный открытием, спешил в залу.

— Что, узнали? Кто? — спрашивает его сестра.

— Узнал, узнал. Это — С.

— Ну, мы так и думали! Вот видите, мы знаем: кто вы! Вы — С. Откройте же да покажитесь.

Но маски упорствуют.

— А какие у вас чудные костюмы! Просто, прелесть! Только скажите, пожалуйста, к какой вы нации принадлежите? — спрашивают хозяева за-костюмированного в метаморфозированный старый атласный салоп.

— Я — чародей. Знаю все секреты, отгадываю будущее, управляю всеми духами. Я могу все сделать, что захочу.

— Ах, какой вы страшный! Ну, отгадайте же мое будущее. — Что мне будет?

— Вам?.. Вы в этом году влюбитесь и выйдете замуж.

— Каким же образом я влюблюсь и в кого?

— Один молодой человек, красавец собою, заронит в вашу душу искру; эта искра разгорится в пламень, который воспламенит в вас сильную страсть. Эта страсть будет страшна и сладостна: ваше сердце будет страдать от неё и наслаждаться. Много препятствий ожидает вас, много горя испытаете вы; но я повелеваю покровительствовать вам одному доброму гению: он будет летать за вами и приведет к желанной цели. Вы...

— Ой, ой, сколько вы наговорили!.. Довольно, довольно! Но я вам не верю. Этаким страсти не бывает.

— Ну, волшебник, скажи-ка, что со мною будет? — спрашивает молодой человек, член семейства хозяев.

— Велик ваш путь и долог, но бессмертие ожидает вас. Вы идете по терновому пути; но этот путь ведет вас к славе. Много врагов, но много и друзей у вас. Вот вижу: какая-то прелестная дева чарует вас; но берегитесь ее.

— Не угодно ли вам лучше потанцевать что-нибудь под фортепьяны? — прерывает хозяйка.

— Ах, нет позвольте, маменька, это очень любопытно: волшебник славно говорит.

— Полно, мой друг, — возражает мать вполголоса, — кажется, при девицах неприлично говорить такие вещи; и то уж он сестре сколько наговорил, что я не знала, куда деваться от стыда...

— Нет, вы послушайте, как он говорит: какой дар слова и видно, что очень начитан...

— Да вот тут и цыганка есть: что же, погадайте, милая цыганок. ка.

— Нет, я не гадаю.

— Так, верно, лучше потанцевать? Не правда ли?

Устраивается французская кадрили, где подьячий смешит своим карикатурным танцем. Он не остается также и безмолвен, но предлагает отвести всех в суд, говорит весьма часто: «поелику», «понеже» и «сиречь». Сверх того, он весьма вежливым голосом поёт:

Убоялся зело,

Как бы в наше село

Сила вражья не вступила

Имя в плен не повлече.

Или:

Масленица только раз

В круглой год гостит у нас

И неделку-с! и пр.

Протанцевав кадрили, маски уезжают, не открыв, впрочем, своего инкогнито.

— Какая досада: нас узнали! — говорит одна из них.

— А это все глупый Аристарх сказал. Ведь приказывали тебе не сказывать.

— Да я не сказывал-с: они сами узнали.

— Полно! Как бы они узнали, если б ты молчал.

— Я и молчал; не молчал, что ли? Они сами спрашивали.

— Про то и говорят, что они спрашивали, а ты ответил.

— Нету-с, я, право, не отвечал. Я только и сказал, что не приказано, мол, говорить. И Миките еще нарочно выбегал да приказывал: молчи, мол, не сказывай, для того — не велено.

— Ну, полно, пожалуйста, перестань! Тебе что ни прикажут, ты все перевернешь или испортишь. Уж мы тебя знаем!

Маски посещали других своих знакомых и с таким же успехом.

Толки в тех домах, куда они являлись, были в разных вариациях, но все на один тон и одну тему.

— Очень недурна была эта крестьяночка: славный сарафан и повязка!

— Да ведь все чужое, все ведь не свое.

— А как смешон подьячий!

— Ну, полноте! Совсем не умел своей роли разыгрывать. Что это? Пел какие-то глупые песенки да все — поелику да поелику. Ничего не мог получше выдумать!

— А вы заметили костюм на испанце? Весь, вот-вот, из лоскуточков да из старья собран! ..

— А это что за костюм у волшебника? Какая-то черная мантилья шита. А атласишко-то какой? Готова спорить, что из старого салопа перешит. И что это он за галиматью нёс! Признаюсь, не всем же приятно слышать, когда он станет рассказывать про свою страсть. Это уж очень что-то...

— Нет, он хорошо говорил. Этого нельзя сказать... Подите-ка: другой выдумает ли этак. Нет, уж говорит хорошо: это что говорит!... Да другому в десять лет этак не выдумать...

— Ну, уж!... Выучил, я думаю, из какой-нибудь книги.

— Нет уж, извините. Этого ни в какой книге нет; я, ведь, тоже немало читаю книг! ..

— Ах, брат! Какая у тебя страсть! Ты вечно обо всем споришь. Разве ты все книги читал?

— Да уж хоть и не все читал, а знаю, что этого нет ни в какой книге!.. Ну что ты-то споришь? Точно разумеешь что? .. Я уж, верно, побольше твоего знаю? ..

Низший слой городского общества веселится и рядится на Святках по-своему. На другой же день праздника, часа в два пополудни, вы можете увидеть на улицах города несколько мальчишек, которые, выверотив наизнанку свои овчинные полушубки и надев на голову вальный сапог, бумажный колпак или смастерив себе из цветной бумаги и тряпок какой-нибудь фантастический костюм, открывают святочный карнавал. На третий день появляются уже настоящие ряженые, и с каждым днем толпы их увеличиваются. Пока еще светло, они ходят к своим знакомым, а вечером — по господами. Костюмы ряженых не разнообразны, но очень оригинальны. Большею частью они бывают национальные; но эта национальность обуславливается не действительностью, но известными понятиями-ми, которые костюмирующиеся составили себе об одежде какого-нибудь народа. Так, например, большой красный платок, надетый через правое плечо и подвязанный под левым, означает цыганку. Впрочем, для большего пояснения своей особы, такая цыганка берет на руки какую-нибудь большую куклу — картонную или просто сделанную из тряпки, набитой охлопками. Эта цыганка старается подделать свой язык под известный цыганский выговор, ворожит о будущем, просит положить на руку денег кучку и пр. Какой-нибудь затасканный халат, подобие чалмы, свернутой из платка на голове и

чубук с трубкою в руках — означают турка; а та же чалма и короткое кисейное платье с широкими шальварами рекомендуют вам турчанку. Для тирольки необходимы цветной корсаж, коротенькая юбка, какой-нибудь замысловатый головной убор и тросточка, обвитая лентами. По понятиям рядящихся таким образом, тиролька предполагает в себе в то же время и пастушку. Вот самые любимые и самые общеупотребительные национальные костюмы. Но сверх того рядятся также русскими крестьянками и в особые неопишуемые фантастические костюмы, которые всегда возбуждают в зрителях вопрос «Какой вы нации?» На что костюмированные отвечают по первому впечатлению, и тогда вы знакомитесь с такими народами, которые еще ожидают Колумба для доказательства своего существования. Ряженные никогда не надевают масок и лишь только закрывают свои носы платками. Ходят они толпами, из которых каждая непременно вооружена гармонией. Пришедши в какой-нибудь дом, они просят позволения проплясать и под звуки этого оригинального, весьма употребительного инструмента, руководствуясь фантазией, выдумывают танцы совершенно новые, неведомые и невиданные дотолле. Иногда, разумеется, и они пускаются в мистификацию своего рода.

— Что, барин, заглядывать? Небось, не знаешь, а вот я так знаю тебя!
— говорит чернобровая турчанка, одной рукой прикрывая свой нос, а другой грозя любопытному.

— Ты должно быть хорошенькая турчаночка?

— Ха, ха, ха! А тебе на что? Что тебе, что хорошенькая? Вести-мо, хорошенькая!

— Так покажись, коли хорошенькая.

— Нету, никак невозможно: не велено!

— Кто же не велел?

— А вон турка не велела — это мой муж.

— Матушка, подайте на бедность! — пищит довольно сильным голосом очевидно мужчина, наряженный в женское платье, салоп, измятую шляпку и... для юмора — в лапти. Такое переодевание, или ряженье мужчин в женское платье здесь случается весьма часто. Иногда муж и жена, решившись погулять, довольствуются тем, что первый надевает женины платок, нанковую на зайце шубу, а последняя — мужнину чуйку и шапку. Переодевшись таким образом, они присоединяются к какой-нибудь толпе и целый вечер ходят из дома в дом, довольные тем, что насмотрятся на господ, а может быть, кое-где и выпьют винца. Некоторых ряженных, по особенной оригинальности их ко-

стюма, не пускают в дома, потому они и остаются на какой-нибудь известной улице и собирают около себя толпы любопытных. Здесь вы увидите наряженных медведем, лошадью, козой, мертвецом и в тому подобные костюмы. Члены высшего слоя общества, не впуская таких ряженных к себе в дом, иногда нарочно катаются по тем улицам, где они преимущественно толкуются, и от души хохочут, а иногда и пугаются их выходок, их кривляний и скачков, которыми они сопровождают экипажи.

IV.

Время между Святками и Масленицей общество городка проводит хотя не так шумно, как самые Святки, Впрочем, также среди удовольствий. В это время или продолжаются собрания, или даются частные вечера. На Масленице веселье снова закипает в полной силе. Блины с икрой, пряженики с яйцами, семга и разные малосольные и коренные рыбы являются на сцену, разнообразят и увеличивают удовольствия. Катанья идут своим чередом, — впрочем, носят особенный характер. И здесь, как везде, вы видите длинную вереницу экипажей, но в этой веренице строгая сортировка: впереди непременно — четверня, если только она является, влача какую-нибудь старинную колымагу, вроде необъятного возка; за нею следуют экипажи парами в дышло, потом пары с пристяжкой, и наконец — одиночки. Иногда этот ряд экипажей, на площади городка, свертывается в кружок. Забавники в это время, случается, выпускают в круги робкого зайца; раздаются отовсюду шумные крики; бедное, трусливое животное мечется среди круга в отчаянии, не находя нигде свободного выхода. Наконец быстрее стрелы проскакивает оно между ногами лошадей и пускается в бегство, преследуемое криком, смехом катающихся и громко лающими дворовыми собаками. В последний день Масленицы есть обычай покутить побольше. Пародируя губернский город, затевают *qejeuner-dansant*, с тем чтобы после сытного завтрака кататься вместе. Для большего удобства устраивается огромная лодка, прихотливо раскрашенная с мачтой, увенчанной лентами. Эта лодка предназначается для того, чтобы возить в ней всех дам города; но до сих пор затейники этого удовольствия не могут придумать такой упряжи, чтобы два десятка лошадей, назначенных возить лодку, не путались и не тянули в разные стороны, по русской пословице: «кто в лес, кто по дрова», Большею частию это предприятие кончается тем, что дамы, потеря в терпение, отправляются кататься в

обыкновенных своих экипажах, а лошади выпрягаются из лодки и заменяются легко набираемыми охотниками, которые с ужасными криками тянут лодку, наполненную некоторыми из весельчаков. Это называется: провожать Масленицу, а самая лодка — Масленицей. Эти проводы в простом народе совершаются иначе. Масленица у него является обыкновенно то в виде какого-нибудь уродливо наряженного весельчака, который тащится по всем улицам на крошечных саночках, припряженных к огромной кляче, едва двигающей свои ноги; то в виде фантастического, но на русский мотив импровизированного фавна, непременно с рогами, когтями и хвостом; то в виде такой же лодки, только в меньшем объеме и с балдахином, крытым соломой; такую лодку везут одна или две лошади, обвешенные соломой; а в лодке под балдахином сидят ряженные, в costume которых главную роль играет та же солома. Вся эта солома вечером последнего воскресенья сжигается где-нибудь за городом при громком смехе, песнях и пляске

Грустно провожает весёлые дни высшее городское общество. но само от себя старается скрыть эту грусть и стыдится её.

— Итак, наша Масленица прошла! — говорит молодой человек, помещаясь на запятках саней, сзади двух дам, между которыми была одна интересующая его. — А как грустно расставаться с Масленицей! И как скоро прошло это чудное время!

— Да, очень скоро! — отвечает интересная особа, грациозно закидывая назад свою головку и смотря пристально в глаза молодому человеку.

— А я так, признаюсь, рада, что настает пост! — возразила другая дама. — Что наши весёлости? Они так однообразны, так смутны, что, право, совестно сожалеть о них.

— О, нет, вы говорите против себя. Что же, разве постом веселее?

— Да хоть и не веселее, зато все тихо, скромно; а я люблю тишину и уединение.

— Ах, Господи! Что это за сестра! Вечно сама против себя говорит. Ну, если ты любишь уединение и тишину, зачем же ты ездила в каждое собрание? — заметила интересная особа.

— Вот прекрасно! Что же бы стала делать одна, когда вы все уезжали? Поневоле поедешь. Да и что наши за собрания? Какое в них веселье? Конечно, если у кого есть свои интересы, так это другое дело, а у меня нет интересов.

Молодой человек и интересующая его особа значительно переглянулись.

— Что, monsieur N, жалеете ли вы об окончании нашего веселого сезона?— спрашивала дама с высоким тоном monsieur N, который стоял на запятках ее саней.

— Э, нисколько. Всякая скука приятнее нашего веселья.

— Так, значит, это время не оставит для вас после себя никакого приятного воспоминания?

— Конечно, я этого не скажу... Конечно, бывали прелестные минуты, когда... и он значительно посмотрел на даму.

— Когда вы увивались за хорошенькими девицами... Est ce vrai?...

— Нет, madame, я не таков: я не похож на бабочку, которая перелетает с цветка на цветок: я довольствуюсь одной своей розой... И он еще выразительнее посмотрел на нее.

— Что же, когда мы снова увидимся?

— В следующее воскресенье, если позволите? А если можно, я желал бы и раньше.

— Merci. Приходите в четверг. А не правда ли, все-таки грустно как-то, что наш карнавал так скоро кончился: по крайней мере хоть какая-нибудь жизнь, а то это безмолвие и пустота мучат меня.

— О, конечно!... Вечерний сумрак постепенно ниспадает на город, и экипажи катающихся мало-помалу заезжают с улиц в ворота домов.

— Не пора ли уж и нам домой?.. — спрашивает маменька у своей дочки.

— Нет ещё, мамаша, душенька, хоть немножко покатаемтесь.

— Да пора, душенька, посмотри: ведь все уж разъезжаются по домам; да надо и девкам дать покататься.

— Ну, да они еще успеют, мамаша. Ах, Господи, какая тоска будет! Я вздумать не могу! А какие нынче были весёлые собрания! Всё прошло...

— Я вот удивляюсь: чего ты-то жалеешь о собраниях? С тобой так мало танцевали кавалеры, что другая бы на твоём месте обиделась.

— Это, конечно, мамаша, досадно, а все как-то весело было...

— Вечер почти спустился на город, улицы почти опустели; но вот в одной из них тянется толпа весельчаков, принадлежащих, впрочем, к высшему городскому обществу. Кузьмич в числе их.

— А что, господа, ведь ровно чего не достает: Масленица-то проходит. Что ни говори, а ведь словно скучно!

— Скучно и есть! Хоть бы ты, Кузьмич, чем уважил.

— В это время с толпою поравнялись розвальни, битком набитые ребятишками. С криком и смехом понукали они лошадёнку; но она не слушала и более убедительных убеждений в лице хворостины, которою

угощал ее хозяин, коренастый низенький мужичок, нанявшийся катать эту маленькую сволочь, с платою по грошу с брата.

— Стой! — закричал ему Евграф Кузьмич. Мужичок остановился.

— Господа! Садись! Лихо прокачу и денег ее возьму. Ребятишки, пошли вон! Господа сядут кататься, — распоряжался изобретательный Евграф Кузьмич.

— Айда выдумка! Важно, Кузьмич. Сядем! Пошел!

— Баря! А баря! — заметил мужичок.

— Ну что?

— Что? Лошаденка-то не стащит!

— Небось, стащит! — возразил Кузьмич. Ты только знай подхлестывай.

— Право-слово, не стащит.. Что мне тут? Вот мотри, что запаришь лошаденку — свалится!

— Полно врать! Да ты откуда?

— Откуда? Вестимо, откуда. Из Саврихина!

— Ну, коли из Саврихина, так по гривеннику тебе каждый да дим да еще и водкой угостим. Ну же, погоняй, что ли, лошаденку. Ишь она у тебя какая! И не понимает, что сегодня Масленица.

— По гривеннику? — спросил мужик.

— Ну, да по гривеннику. Изволь, по двугривенному.

— По двугривенному... по двугривенному... Эх, ну, что ли, го- лубка, поворачивался.

И компания потянулась по всем улицам, при громком смехе катающихся и при еще более громком крике и скачках толпы ребятишек, которая сопровождала её...

Вечер последнего дня Масленицы семейства проводят порознь в тиши и спокойствии, разве только отцы семейства сходятся к кому-нибудь на последнюю пульку.

V.

На другой день физиономия городка совершенно изменяется: делается спокойна, однообразна и сохраняется в таком виде в продолжение всего поста. Улицы большее время дня пусты; разве проедут по ним господские сани в одиночку, с флегматическим кучером в сером армяке и старой шапке, да пройдет торговец в свою лавку или воспитатель юношества, совершая свой обычный моцион для здоровья,

да пройдет на практику, глухо закутавшись и обвязавшись платком, городской врач, да пробежит чиновник, поспешая в присутственное место, да высыплет из школы разнокалиберная толпа ребятишек, вооруженных аспидными досками и книгами, и с шумом и криком разбредется в разные стороны, подшибая на дороге многочисленные комки снега, крепко сжатые морозом. В первые дни поста все сидят по домам; разве только исключительные поклонники общественных удовольствий отправляются к аптекарю-немцу посмотреть немецкую Масленицу. Многие не позволяют себе даже играть в карты, но довольствуются приятельской скромной беседой. Дамы начинают свои посещения одна к другой не раньше третьей или четвертой недели; но эти посещения бывают только по вечерам. Отцы семейств в то же время начинают свои обычные зимние странствования на огоньки, т. е. вечером, не имея ни от кого определенного приглашения и гонимые из дому скукой бездействия, пускаются по темным улицам города отыскивать дома, более других освещенных. Найдя такой дом, они смело входят в него, зная, что там встретят нежданого гостя с распростертыми объятиями, сейчас вернут в руки карточку и хоть не дадут хорошей закуски, но все, однако, не отпустят домой голодного. Так проходит весь пост, и лишь последние дни его оживляются ожиданием великого праздника. В эти дни красят яйца, готовят из домашних средств пасху и сыр. Из жителей столицы не всякий поймет благоговейное чувство, с которым религиозный провинциал встречает торжественный день Светлого Воскресенья: душа первого занята больше заботами жизни; второй предаётся духовной радости с открытою душою. Самое внешнее торжество принимает в провинции как будто особенный блеск. С каким восторгом жители, привыкшие к тишине, прислушиваются в Светлый День к громкому звону колоколов, с каким увлечением смотрят на богатую иллюминацию, которая покрывает среди ночи Божии храмы! Постороннему зрителю показалось бы, что не только физиономия жителей, но самые здания, весь город и самый воздух принимают какой-то праздничный, вид. Впрочем, в продолжение Святой Недели общественная жизнь городка не развивается до таких размеров, как на Святках или на Масленице. Конечно, совершаются обычные визиты; но собраний в это время не бывает и изредка разве даются вечера. Такая тишина много зависит и от того, что около Пасхи почти всегда наступает распутица, препятствующая сообщению города с помещиками, а без их участия город редко бывает в силах устроить какое-нибудь общественное удовольствие.

Незаметно потом приходит весна: пропадает снег, расцветает природа. Но провинциал не умеет так дорожить своим чистым благоуханным воздухом, как им дорожит столичный житель, которому большую часть года приходится дышать или сырым, или пыльным воздухом; впрочем, и первый с открытием весны идет гулять, хотя и с сожалением вспоминает о минувших удовольствиях зимы. Во всяком городке непременно есть какое-нибудь любимое место для летних прогулок: набережная реки, какая-нибудь роща, загородный сад, холм, воспроизведенный в степень горы и т. п. Здесь собирается городские жители по вечерам.

— Какой чудесный сегодня вечер! — говорят они друг другу

— Да, прелестный! — отвечают они один другому.

— Какой чистый воздух!

— Да, восхитительный!

— Немножко как будто холодновато.

— Да, еще сыро; впрочем, не скажу, чтобы было очень холодно.

На лето некоторые из жителей городка уезжают в деревню: но так как большинство населения городского состоит из чиновников, поэтому некоторые по необходимости должны оставаться в городе и на лето. Эта часть общества проводит время вообще довольно скучно; часто гуляет и бранит свои прогулки; ездят друг к другу очень редко, и вообще все с нетерпением ожидают зимы и её удовольствий. В иных приречных городках летом устраивается катанье в лодках, и тогда над паромом воздвигается балдахин; общество усаживается под ним; ловкие гребцы, в красных рубашках и чёрных шляпах, искусно управляют веслами, и под звуки весёлой песни лодка быстро несется по волнам реки. Но такое удовольствие бывает редко и, как большая часть общественных удовольствий городка, требует особенного участия и настойчивости какого-нибудь исключительного любителя. Напротив, гораздо чаще устраиваются кавалькады. В этом случае не требуются дрессированные верховые лошади, и невзыскательные наездники довольствуются порядочной упряжной лошадию, которую, впрочем, для эффекта иногда англизируют, т. е. искусно подвязывают хвост, чтоб он был покороче. Амазонки дам большею частию создаются домашними средствами, и картуз часто заменяет шляпу. Робко садится прелестная наездница на свою лошадь.

— Пожалуйста, не отставайте от меня, — говорит она своему кавалеру: — моя лошадь ужасно не послушна.

— Э, полноте, чего вы боитесь! Пускайте в галоп.

— Ай, ай, нет, ради Бога... Зачем же это?

Но бойкий наездник, чтобы показать своё искусство, прищпоривает лошадь и, высоко прискакивая на седле, далеко оставляет за собою бледную и растерявшуюся наездницу. Но последняя скоро приобретает навык и уверенность. И вот она уже не отстает от своего спутника. Восхищаясь быстротой езды, она очень мила, грациозна и пугается мысли, что заботливая маменька, сопровождавшая кавалькаду и деятельно следящая за смелой своей дочкой, далеко осталась за ними. Она очень довольна настоящей минутой, и ей крайне не нравится замечание мамы: «Как ты скачешь, душа моя? Это вредно. Ну, долго ли случится: вдруг лошадь запнется и упадет!» Но лошадь не спотыкается, не падает, и всадники снова мчатся, еще с большею быстротою, и сердца их бьются ещё с большею живостью.

Кавалькады в городе никогда не бывают многочисленны, устраиваются редко и всегда возбуждают в городе особенное внимание.

— Не правда ли, как -й стала часто кататься, и уж не робко!.. замечают в городе с особенным значением.

— Да, и все с одним и тем же кавалером.

— Что ж, прекрасная парочка!... Впрочем, кавалькады никогда не увлекают всего общества и составляют более частное, нежели общественное удовольствие. И жизнь городка летом идет ровно и тихо.

— Скоро ли-то настанет зима? Как несносно это лето!

— А вот приближается и октябрь. Ах, если бы снова устроились собрания! Пожелайте же веселиться городку, мой добрый читатель, — веселиться так же много, как много вы зевали над моим рассказом. Ты, столичный франт, служишь кумиром провинциальному кавалеру; а ты, прелестная столичная девица, пугаешь воображение скромных барышень. Вы улыбались, слушая мой рассказ о них, а они мечтают о вас с восхищением. Пожелайте же моим героям бесконечных собраний и самого многочисленного оркестра...

Оканчивая эту статью, автор считает нужным сказать, что он не имел в виду рисовать общего портрета уездных городов и городков, который невозможен: в рассказе его — наблюдения, которых в целости, конечно, нельзя встретить ни в одном городке, но которых отдельные черты автор встречал довольно часто.